

Тагай Мурад

СУМЕРКИ, КОГДА ЗАРЖАЛ КОНЬ

Повесть

Предисловие

Повесть "Сумерки, когда заржал конь" (С "От кишнаган окдом", Ташкент, 1985), которую я взяла в качестве дипломной работы, принадлежит Тагаю Мураду. Его имя стало известно в узбекской литературе с середины 70-х годов. Он автор повестей и рассказов.

Тагая Мурада волнуют социальные вопросы современности, прежде всего нравственный облик человека, его отношение к труду, к людям. Долг, обязанность, трудолюбие, мужество, честность, искренность, доброжелательность - вот те человеческие черты, которые получают воплощение в художественном слове писателя, утверждаются как непреходящие ценности через образы их носителей - скромных, трудолюбивых добродушных скотоводов и садоводов Сурхандарьинской долины (откуда, кстати, родом и сам Тагай Мурад). Этими чертами обладает и герой повести Тагая Мурада "Сумерки, когда заржал конь" простой пастух Зиёдулла. Его любовь к своему коню Тарлану, также чиста и естественна, как и любовь человека к природе. Тарлан - это олицетворение природы. Писатель изображает коня возвысив в светлый образ, - в финале повести он спасает жизнь хозяину. И это читателем воспринимается естественно, так как мы уже знаем Тарлана как необыкновенного скакуна, сильного, гордого и красивого, неоднократного победителя конских состязаний.

Зиёдулла - человек слова. Ему свойственны такие качества как трудолюбие, доброта, правдивость, скромность, тонкий юмор. Он мужественно борется с жуликами и лицемерами из его кишлака. Характерна такая черта его нравственного облика: с моральным превосходством он переносит прозвище "плешивый", которое получил ещё в детстве, когда после заболевания паршой лишился волос. Теперь это прозвище - имя искусного наездника. Сюжет повести построен так, что герой повести как бы проходит проверку на прочность его физических и духовных качеств. Сначала Зиёдулла показан в борьбе за улак, где раскрывается его физическая сила, ловкость, смекалка и честность. Затем он оказывается свидетелем расправы над человеком на базаре, он не остается равнодушным, помогает пострадавшему; он даёт показания в милиции и здесь сталкивается с нарушителями правопорядка; в конце повести его ждет ещё одно испытание - на него нападают молодчики с базара. Как в народном сказании, ему помогает верный конь Тарлан, - добро восторжествовало.

Особенности мышления и характеры персонажей, общий колорит выписаны в повести живо и достоверно. Больше всего в произведениях Тагая Мурада подкупает правдивость. Он пишет о том, что хорошо знает, что близко ему с детства, что пережил сам. Повесть читается увлекательно: благодаря динамике повествования, четкости сюжетного построения, благодаря раскрытию художественного замысла автора и образов не в медлительном повествовании событий, а в стремительном движении, в действии, и мы сами как бы включаемся в это действие. Улак - состязание на ловкость и выносливость, на храбрость и мужество, на честность и правдивость - это состязание стремительно и увлекательно.

Немаловажное значение в увлекательности чтения имеет язык повести. Дивишься меткости авторского слова, точности его фраз. Структура фразы проста, автор избегает употребления

сложных синтаксических периодов с нанизыванием глагольно-именных оборотов. Короткая фраза, двучленное предложение, глагол-сказуемое в личной форме - эти синтаксические конструкции тоже служат динамике повествования.

Повесть Тагай Мурада потребовала от автора знания и употребления прежде всего терминологической лексики (наименования масти и норова лошадей, их манеры ходьбы и бега, названия сбруи одежды наездников; термины, связанные с улаком, как с особым видом состязания; детальное описание правил и процесса состязания и т.д.), лексики, передающей самые разнообразные эмоции в связи с этим видом конного состязания (т.е.улаком), тонко отображающей психологическое состояние человека. В своём произведении автор умело и к месту, не злоупотребляя количеством, включает пословицы и поговорки, фразеологизма, называет обычаи. Однако повесть не лишена и недостатков - это некоторая растянутость отдельных частей текста, избыточность диалогической речи, невыраженность речевой характеристики персонажей (одинаковость авторской речи и речи персонажей).

Сложен ли Тагай Мурад для перевода? Пожалуй, да. Главная трудность с которой я столкнулась, это прежде всего передача эмоционально насыщенной речи автора. Например, многие куски в повести начинаются со слова "Биродарлар". Узбекское значение слова "биродарлар" это нечто среднее между "братья" и "братцы". После долгих раздумий оставила "братья", так как слово "братцы" полностью не передаёт сердечного наполнения, хотя первое полностью не покрывает узбекское значение слова "биродарлар." Частые обращения с этим словом автора к читателю придает повести более эмоциональное звучание.

Следующая трудность была при переводе той части повести, в которой подробно описывается, как в табунае выбирался будущий скакун Тарлан.

Не просто было передать образ простосердечного пастуха Зиёдуллы с живым характером и открытой душой.

Над переводом работала с интересом, стараясь передать на русский язык достаточно адекватно художественный замысел автора и его национальную интонацию.

Тагай Мурад

СУМЕРКИ, КОГДА ЗАРЖАЛ КОНЬ

(повесть)

Братья, беда, беда!

Проснулся я однажды утром, провел рукой по голове и обнаружил там что-то неладное. Но значения этому не придал. И даже матери не сказал.

С каждым днём болячки разрастались. Зудило как настоящая чесотка. Пошел я к фельдшеру нашего кишлака. Он брезгливо сморщился, бросил "фу". Повез он меня в больницу в Юрчи. По дороге я выпрыгнул из машины. Но фельдшер поймал и снова усадил в машину.

В больнице... Ох, что там было! Слов нет, этот доктор оказался человеком безжалостным. Ну и показали они мне, где черти водятся, братья...

У всех, у кого была плешь - заново выросли кудри. Моя же голова стала отливать ослепительным блеском. Ни одного волоска не проросло. Сами врачи удивлялись, сказали, редчайший случай. Горько плача от обиды я возвратился домой. Матушка, увидев мою головушку, загоревала.

Купил я большущую шапку, натянул её до самых ушей и не снимал её ни зимой, ни летом. И в школу в ней ходил. Наш учите, математики пытался было настоять:

- Не начну урока, пока не снимешь шапку.

Сидевший на первом ряду староста что-то шепнул учителю. Но учитель стоял на своём:

- Ученик на уроке обязан сидеть без головного убора! Правило такое!

Я еще глубже надвинул шапку и ухватился за неё руками.

- Ученик Курбанов, тебе говорю!

Я не шелохнулся. Учитель сорвал с моей головы шапку и вышвырнул в окно. Класс задрожал от хохота одноклассников.

Они кричали:

- Ура-а-а, солнце взошло!

Закрыв голову руками, я разрыдался. Швырнул чернильницу учителю в лицо. Прوماхнулся. А лотом сбежал. И с той поры ноги моей не было в школе. Приходили директор и классный руководитель, уговаривали меня. Мать заклинала. Всё равно я не вернулся. Так я и остался с головой пятиклассника.

Лвди прозвали меня плешивым. Мол, Зиёдулла-плешивый! О, господи, господи! Поначалу от стыда до самых ушей горел. Я чув ствовал себя глубоко несчастным. Но со временем прозвище "плешивый" перестало меня задевать. Постепенно свыкся со своим несчастьем. Теперь, напротив, сердился на тех, кто не называл меня Зиёдуллой-плешивым. Особенно на почтальона. Как увидит, сразу: товарищ Курбанов, да товарищ Курбанов. Это выводит меня из себя. Сдаётся мне, будто он насмеяется надо мной.

Как-то даже и накричал на него:

- Почему называете меня товарищем Курбановым? Начальство что ли я или диплом у меня имеется? Всё что есть у меня - так это моя голова с пятью классами. Нечего надо мной смеяться, волос нет, зато гребень золотой.

- Как же мне тогда обращаться к вам?

- Называйте, как все, Зиёдуллой-плешивым. Моё имя при мне Ну, слава богу, теперь и почтальон стал называть плешивым!

Поменял много работ, которые не требуют диплома. Был и сторожем, был и кочегаром. Под конец стал чабаном. Пас овец односельчан. На горных пастбищах играл на свирели. Но когда не

стало хватать дыхания, раздобыл старую домбру. Домбра моя зазвучала, и я, глядя на бесконечную гряду холмов, на растекавдееса по холмам стадо, на беспрестанно щебечущих на горных вершинах птиц и на белые клубящиеся облака, взволнованно пел дастаны. Эти дастаны пели ещё наши деды на свадьбах в долгие зимние вечера - один умолкнет, другой подхватывает. Многих из тех старых лвдей уже нет в живых. Так, как пели они, никто уже не споёт. Мы же берём своим зычным голосом.

Братья, вам лучше не спрашивать, а мне не говорить...Будто её зовут Момосулув. Лицо её подобно лепешке или она красавица? Глаза черные или голубые как цветок льна? Густые ли брови? А если густые, то изгибаются ли дугой? Будто из-за темной ночи никак не могу я разглядеть её.

Будто брожу как безумный по улице, где живет Момосулув. Будто бледный лунный свет пробивается сквозь облака. Брожу, будто что-то потерял. Вот присел на камень у дороги, подперев ладонями подбородок, и замороженно пристально смотрел на луну. Лик у луны оказывается грязный. Сколько таких, как я, влюбленных безнадежно зывали к луне. Кому из них луна подарила хоть один поцелуй? Кому из влюбленных луна была верна? Махнув рукой на луну, будто я поднялся с камня и перемахнул через забор Момосулув. Собаки у них не оказалось. Затаившись в тени деревьев, стал заглядывать в окно, где горел свет. Будто сорвал несколько яблок, съел их. Неожиданно свет погас. И я тихонько пробрался на террасу и ощупью нашёл её постель. Она будто бы проснулась, сказала, чтобы уходил - нето закричит. Я стал её умолять. Протянул к ней руки. Она, отвергая меня, оттолкнула мою руку.

И будто я бросился в её объятия!

Ах, братья, весь мир - это одно, а то, что называется объятиями - совсем другое. А/х-ха!

Лежать бы мне тихо, довольствуясь тем, что есть. Наслаждался бы её объятиями. Нет же, я неугомонный будто хотел овладеть и её сердцем! Постепенно я своей любовью завладел её душой. Это оказался особый мир - кромешная тьма. Вокруг всё пусто. Ни одной живой души. Не то, чтобы там был мужчина, будто даже след мужской простыл. Будто это и есть райский уголок. Будто оглядываюсь вокруг, и радостно смеюсь: "В этот рай, кроме меня никто не попал!" Будто душа моя переполнилась радостью: "Первым в этот рай шагнул я !" Ах-ха!...

Открыл глаза - в комнате темень, лежу обняв подушку.

Сон покинул меня. В погоне за ним, я уставился в потолок. Это верно - в нашем кишлаке есть такая девушка. И зовут её тоже Момосулув.

Утром, позавтракав, завязал в поясной платок свой обед. Волоча за собой кленовую палку, пришел в загон. Прилег на камне.

Люди пригоняли своих овец и коз. Вот и она! Я вскочил, посмотрел на неё. Почувствовал, что моё лицо вспыхнуло. Она же, забросив пруттик вслед своим овцам, повернулась и ушла. И даже не взглянула на меня.

Интересно, видела ли она вчера меня во сне? Может, быстро ушла из-за того, что застеснялась?

Братья, девушка эта постоянно стоит перед моими глазами. И днём, и ночью. Послал к ней сватов. Ответила, что не выйдет, мол, плешивый. О, господи, о господи мой! Что из того, что плешивый? Разве все дело в волосах? Разве есть у волос разум, ведь они растут там, где им вздумается. У кого-то волосы густые, у кого-то редкие. А у иных и вовсе не растут. Что, разве выращивать волосы - всё равно что заниматься хлебопашеством что ли, где можно винить человека? Если бы люди сказали, вот, мол, он не посеял волос на голове, а если и посеял то, мол не ухаживал за ними, не поливал и посевы высохли. Вот тогда-то пусть меня и унижает. Тогда-то пусть и говорит, мол Зиёдулла-плешивый - мужчина бестолковый, что на голове размером с кулак -волос не смог вырастить. И пусть скажет, что он не может быть хорошим мужем.

Я все равно не отступился от своего решения. Посылал сватов одного за другим. Просил передать, что немного погоды куплю коня и буду участвовать в улаке.^x Поломалась она, поломалась и наконец согласилась.

Сыграли свадьбу. Она, ступая робкими шажками прошла за полог невесты. Я же, ступая мужественными шагами, прошел за полог - женихом. Рассказал ей о том сновидении. Спросил: тебе тоже снился такой сон? Она ответила - снился. Темно было, говорит - не смогла опознать, кто это был. То был я, сказал, ударяя себя в грудь. Вот и потому-то я вышла за вас, ответила она. Ах-ха!

Братья, во сне Момосулув была утренней звездой Венерой, наяву была Луной, в объятиях моих стала Солнцем!

* * *

На время поручил отару напарнику. А сам, продав несколько голов своих овец, завязал деньги в поясной платок и отправился в Обокли, прихватив с собой искусного наездника Намаза. Обокли находится в Оккапчигае. Оккапчигай - это пустыня без конца и без края. Приехали мы сюда в поисках коня. Лошади есть и в других местах. Но лошади Обокли особенные.

Братья, у нас в Сурхане так говорят:

х -улак - конно-сдотэтивнре состязание, на котором участники состязания шрышют друг у друга козлиную тушу.

Если берешь коня, бери из Обокли Если берешь жену, бери из Иргали!

Смысл этой премудрости фом, что кони там, что твои сказочные дивы. Лошади нужен безграничный простор. Лошадь не знает дистанции, не знает предела. Если и в суровые зимы лошади пасутся в степи, то они становятся выносливыми, бока их лоснятся, сами они широкогрудые и быстроногие.

Обокли - именно такая степь для лошадей.

То, что в Пулхакиме называют Иргали, находится на ближнем берегу Байсуна. Девушки из Иргали - крепкие, ядреные. Самая маленькая носит калоши шестого размера! Все они сильные, работающие. Если обнимите иргалинку, не обхватишь! Сыновья рожденные иргалинскими матерями подобны самому Алпамышу. Недаром Алпамыш жил в этих краях!

Теперь поняли, о чем говорит народная молва?

Мы выбирали коня целых два дня. В степях Обоклига коней полным-полно! Мчатся табунами, вздымая пыль. Каких только коней нет здесь! Жеребята по первому году - сосунки, трехлетки - стригунки, четырехлетки - бегуны, зрелые - пятилетние кони. Кобылицы с таким крупом, что можешь ставить юрту! Могучие жеребцы!

Мы отловили одного коня, связали ему передние копыта. Промеж копыт ударили кулаком. Кулак не прошел. Если бы прошел -конь был бы хорош. Отпустили. Ещё одного осмотрели. Подошел бы, да брюхом не вышел - тут он был узок. И этого отпустили. Не подойдет!

Братья,

Коня выбирай с брюхом быка, А быка - с брюхом как у коня!

Тот конь хорош, у которого задние бабки толщиной с руку ребёнка. Мы искали именно такого. Но такой не попадался. Конь с широким крупом тоже хорош. Но и такой нам не попадался. Разглядывая коней в табуне мы заметили сивого коня. Отловили его. Осмотрели зубы. Хоть коню было семь лет, коренной зуб ещё не вырос. Обычно прорезается в пять лет. Выходит, теперь не вырастет. Конь без коренного зуба приносит счастье!

Братья, этот пришелся мне по душе!

Отсчитал три тысячи и сел на него. Подвел я его к кузнице, что перед амбаром. Надел

узdecky на морду сивого: привязал к нитке палочку и продел через ноздри. Когда он вертел головой, палочка врезалась в челюсть и сивый переставал дергаться. Его подковали. Дома, в дальнем углу двора соорудили ясли, привязал коня. Матушка наша была недовольна. Разве машина не лучше лошади, сказала она.

Братья, то что называют машиной - ведь это железо! У неё нет души! Железо без души не может ужиться с человеком. Да, потому как у железа нет сердца! Лошадь же подходит человеку. Потому как у лошади есть душа, есть сердце!

Стал я ухаживать за своим сивым конем. Приучил к себе и к состязаниям с тушей козла. Мы с конем понимали друг друга хорошо. Как я его выхаживал и чему его научил - не скажу. Сглазьте!

Братья, каким вы представляете себе сивого коня? Он как отбеленная бязь! А если у него предки породистые, то в девять лет он превратится в конюк-курманника. На его шкуре появляются темные пятна, похожие на родинки. С этих пор он не сивый, а конь Тарлан - конюк-курманник. Конюк-курманник - самый лучший конь! Из ста гнедых только один конь бывает хорошим! Из ста же масти конюк-курманник только один оказывается негодным!

Братья, есля не разбираетесь в конях, выбирайте только из породы Тарланов!

Когда моему сивому исполнилось девять, моя радость выросла в десять раз. Братья, мой сивый превратился в коня Тарлана. Я стал владельцем настоящего Тарлана! Лучший из коней у меня, самый обвараживающий из коней у меня!

* * *

На тяжелые работы Тарлана я не ставил. Когда пас овец в холмистой степи, Тарлан резвился под моим седлом.

В один из таких дней прискакал шофер председателя колхоза. Председатель послал его за мной. Сказал: мол, привези Зиёдулла-плешивого. Будто приехал Рихсиев, работающий на радио, родом из нашего же кишлака. Рихсиев попросил позвать самого лучшего пастуха, чтобы рассказать о нём по радио, и потому председатель послал за мной. Поначалу я не поверил. Испытующе посмотрел на шофера. Вроде говорит правду. Поручил овец Асаду-чабану, который пас скот рядом и сам поехал с шофером. От радости я был на седьмом небе. Ну и предеедатель-ака! Дай бог вам долгой жизни, сказал про себя. Выходит пожелали, чтобы засияло солнце и над сверкающими лысиной головами как моя. Да здравствуют ваши пышные усы, добавил ещё про себя.

По пути я заехал домой и надел ещё совсем новохенький халат из полосатой, шелковой ткани.

Тарлана привязал возле правления колхоза. Перекинул через плечо домбру и хурджун, в котором лежал мой обед и вошел внутрь.

- Ассалам-алейкум, уважаемый корреспондент!

- Ага, входите братец, входите.

Осторожно ступая по ковру, подошел к Рихсиеву, который сидел развалившись на широкой деревянной кровати для гостей, и поздоровался, протягивая обе руки. Я стоял, не зная, куда сесть. Рихсиев указал на место. Положил хурджун на подоконник, сел. Желая вежливо расспросить о житье-бытье, посмотрел на Рих-сиева.

- Ага, как ваша фамилия, братец?

- Зиёдулла-плешивый.

- Ага, ха-ха-ха! Нет, фамилию назовите? Курбанов? Ага, хорошо, хорошо! Ага, как здоровье, товарищ Курбанов? Здоровы как лошадь?

- Спасибо уважаемый корреспондент, спасибо. Если и не как лошадь, но всё-таки держимся

на ногах. Сами-то как, здоровы? Детки резво бегают? Знаете ли, о чём бы разговор ни зашел, всегда вас хвалю. Вот, говорю, и из наших вышел писатель.

- Спаси-и-ибо, спаси-и-ибо. Дело вот в чём, товарищ Курбанов, я напишу о вас радиоочерк.

- Ой, что это такое уважаемый корреспондент?

- Что? Ну и ну-у! Вот тебе на, товарищ Курбанов. Есть такой жанр! Ага, жанр публицистический! В этом жанре прославляют героев, понятно.

- Вон как, ну и хорошо. А я подумал это что-то плохое. Скажу вам, да не стоим мы того, уважаемый корреспондент.

- Ага, мы уж придумаем что-нибудь, сделаем из вас достойного человека, товарищ Курбанов. Всё в наших руках. Вот бумага, пишите. Ручки нет? Э, это уже непорядок.

- Да разве у нас что есть, кроме пастушьей палки, уважаемый корреспондент.

- Ладно, вот, и ручку даю. Ну, пошевеливайтесь. А я пока буду аппарат настраивать.

- Знаете ли уважаемый корреспондент, тут одна накладка, в грамоте-то мы не очень. Наша голова вобрала только пять классов. Лучше вы спрашивайте, а я буду отвечать.

- Ага, нет, пишите. Напутаете, ещё наговорите всё что вам в голову взбредёт, а мне потом мучиться, монтаж составлять. Нет. Пишите: "Солнце, распуская свои позолоченные косички, подняло голову из-за горизонта..." Нет, зачеркните. Художественную часть напишу сам. Вам это не под силу. Ага, начали: "Ещё с детства я мечтал стать пастухом. Эта мечта и привела меня к профессии пастуха. Окончив школу, я по велению сердца остался в колхозе. И вот, теперь тружусь не покладая рук..." Ага, теперь, пишите о плане, об обязательствах, с кем соревновались. Пишите обо всём этом. Дальше по сколько ягнят вы намереваетесь получить от каждой овцематки. Вот об этом напишите, понятно.

- Уважаемый корреспондент, так ведь я пасу овец односельчан!

- Ага, вот как? Ну и ну, и председатель ваш оказался одним из тех, что пошлешь за тубетейкой, а он тебе голову принесет. Ага, ладно, продолжайте-ка писать. Ваш трудовой вклад оценен?

- А то как же, уважаемый корреспондент, председатель при каждой встрече останавливается, спрашивает меня. Спасибо братец, спасибо, служишь народу, говорит и похлопывает по плечу.

- Ага, и это всё? Да, товарищ Курбанов, товарищ Курбанов! Это всё абстрактные разговоры. Для радиоочерка нужны конкретные факты, понятно! Ордена, медали, грамоты. Хм-м, ладно товарищ Курбанов, вы свободны.

Я вернул Рихсиеву ручку, я почесал за ухом. Взглянул на магнитофон.

- Уважаемый корреспондент, слышали вы или нет, я немного сочиняю дастаны.

- Ага, вот как?

- Забочусь, чтобы песня и сказания наших дедов не забылись. Вон, и домбра у меня есть.

- Ага, "На что мне мастерство своё в себе беречь, для того ли, чтобы в мир иной забрать!" Алишер Навои" !

- Долгих вам лет!

Я заволновался. Взяв домбру, запел свой дастан. В моём дастане в дом приехала невеста. Разожгли костёр, заиграли на варгане. Невеста из-за полога для новобрачных поклонилась гостям...

- Ага, молодец товарищ Курбанов, молодец. Ага, только теперь товарищ Курбанов варганы, пологи для новобрачных - всё это устарело. Несовременно. Сами видите, сейчас век атома. Вон, космонавты снова на луну полетели, слышали? Ну, ладно, товарищ Курбанов.

С последней надеждой я запел свой самый лучший дастан. В нём человек занимавший пост при дворе наказывает своего сына. Оказал почёт и уважение незнакомцу, за то, что тот сказал

правду. Сказал, что в жизни все люди равны...

- Ага, и этот хорош, - он широко зевнул... Ах! Чёрт, сон одолевает. Ну, что вам сказать товарищ Курбанов? Всё это пустое. Не подняты актуальные проблемы. Отсутствует дыхание времени, века. Ага, успехов вам в творчестве, товарищ Курбанов. Ищите! Побольше читайте классиков. К примеру, Бетховена, Чайковского,

Ашрафия, понятно.

- Долгих лет вам!

Рихсиев поднялся. Я забеспокоился. Теперь он уйдет, подумал я. Тут вспомнил, что в отаре имеются овцы его родни. Может он уважит своих овец? Я заговорил об овцах:

- Уважаемый корреспондент, овцы ваши, ох и хороши. Такие резвые, крепкие.

Лицо Рихсиева просветлело.

- Ага, кстати, как наши овцы-то, товарищ Курбанов?

В сердце у меня зажглась искра надежды. Приложив руки к груди, я утвердительно закачал головой:

- Спасибо, уважаемый корреспондент, спасибо. Хороши. Да, что ни говори - все они всем овцам овцы!

- Ага, овцы - хорошая штука!

- Долгих вам лет! Особенно ваши овцы! Что ни говори, хи-хи-хи, что ни говори, так ведь овцы-то принадлежат корреспонденту.

- Ага, спаси-и-ибо, спаси-и-ибо.

- Овцы вашего старшего брата никудышные. Все в него - тупые. Ваши же овцы такие умные, такие мудрые... Ай-аай, да буду я жертвой за овец корреспондента.

- Ага, спаси-и-ибо, спаси-и-ибо.

- Однажды, представьте себе, погнал овец к речке, покрикивая: "Хаит! Хаит..." Они же пошли к холму. И только ваши овцы направились к речке. Я ещё тогда подумал про себя, ах вы мои милые, что ни говори, так ведь вы овцы корреспондента.

- Ага, спаси-и-ибо, спаси-и-ибо. Ухаживайте за ними, товарищ Курбанов.

- Вот диво, сразу видно, что это ваши овцы. Не зря говорят, каков хозяин, такова и его скотина...

- Ага, спаси-и-ибо, спаси-и-ибо.

Рихсиев вышел. Я взвалил хурджун на плечо и вышел вслед за ним. Оседлав Тарлана направился в степь. Братья, душа болит...

Когда наше "белое золото" достигло уровня одного миллиона тонн, я поставил Тарлана на выстойку. Привязал его к высоким яслям в конюшне. Отверстие через которое выбрасывают навоз, на ночь забивал тряпьем, а днем убирал его. Давал Тарлану утром пять кило ячменя, в обед пять кило и вечером пять кило. Подавал на ладони сахар, соль. Тарлан брал сахар губами. Соль слизывал с ладони. Кормил я его и подсолненным курдючным салом.

Братья, с виду конь - настоящий рай, но его рот это настоящий ад!

Ровно через сорок дней и сорок ночей вывел Тарлана из конюшни. Начал его прогуливать. К колышку в центре двора привязал длинный аркан, а другой его конец был завязан на шее Тарлана. Изгибая шею подобно кобре, он бежал по кругу. Вскидывая передние ноги, он ржал. Резвился, сильно дергая аркан. Тарлан опьянел!

Я разбрасывал клочки сена по длине аркана. Тарлан кружась вокруг колышка брал сено то с одной, то с другой кучки. В день давал по одному незрелому арбузу. Он с хрустом съедал его.

Однажды, чудесным утром, накинув на Тарлана легкое седло, я поехал верхом. По большой улице пустил его медленным, неторопливым шагом. Занималась заря, петухи кричали, собаки лаяли. Из репродуктора на столбе, полилась музыка. В арыках шурчала вода. Порывы утреннего

ветерка ласкали нас. Звуки копыт Тарлана стучали равномерно: цок-цок-цок... Впереди показался арык. Мы остановились. Я не дал Тарлану перепрыгнуть чере/s него. Перепрыгни он, пропал бы нагулянный жирок. Потом, он целый год не смог бы участвовать на состязаниях.

Я напоил Тарлана. Мы повернули назад. И снова степенные шаги: цок-цок-цок...

Тарлана прогуливал сорок дней. Он уже не мог стоять на одном месте. Он уже ходил почти не касаясь земля копытами. Резвясь, взбрыкивая, он подпрыгивал до небес. Ему хотелось взлететь словно вихрь.

План по сбору хлопка был выполнен, начались празднества. Братья, нет на свете того, чего не знал бы конь. Снег, дождь, град конь чувствует заранее. А особенно предчувствует свадебные пиры. Потому как именно на свадьбах устраиваются скачки!

Наш Тарлан всю ночь фыркал. Я был обеспокоен. Накинул на плечи стеганный халат и вышел поглядеть на него. Луна яркая, небо ясное. Тарлан не останавливаясь бегал вокруг колышка. Поймав, погладил его гриву. Наверняка где-то свадьба, подумал про себя. Вернулся домой и лег спать.

Вышло, как я и думал. На другой день получили приглашение на свадьбу из соседнего кишлака Обшир. Я вычисти Тарлана. Из амбара вынес всё снаряжение коня - потник, подстилку под седло, которая кладётся поверх второго потника, попону, подпругу, подхвостник, уздечку, седельную подушку, седло со стременами. Оседлал Тарлана. Надел на него узду. На лоб ему повесил амулет из боярышника от дурного глаза. Раздувшийся хурджун бросил на седло. Вдел ногу в стремя, рукой взялся за луку седла.

В Обшир нас поехало двадцать наездников. Мы остановились у порога дома, откуда раздавались звуки сурная, а из трубы поднимался вверх густой дым. Нам выделили на постой дом у Тур-ды пастуха. Какой-то человек в глубоко надвинутым на голову треухе провел нас по узким улицам к дому пастуха. Ворота его дома оказались довольно низкими. Обладатели смирных коней въехали во двор, припав к седлу. Хозяева резвых коней, спешили и повели коней в поводу.

Мы расседлали коней. Упряжь развесили на подпорках для деревьев, на супе, на дувалах. Остудили коней.

Я дал возможность Тарлану поваляться на земле. Он перекатывался то на левый бок, то на правый. Повалялся в своё удовольствие. Потом поднялся. Расставив ноги, встряхнулся. Стряхнул с себя пыль, приставшие соринки. Набросив на него коврик, я немного затянул подпругу. Ногой вбил в землю колышек.

Наездник Сафар вбил колышек для своего гнедого рядом с Тарланом. Это меня разозлило, я сказал:

- Сафар-ака, будьте добры, привяжите своего гнедого подальше.
- Ничего, места много..
- Мне места не жалко. У вашего гнедого нет доброты, об этом забочусь.

Гнедой поглядывал недружелюбно на моего Тарлана. Я хотел было сказать:"Вон, видите"» Но наездник Сафар уже отправился в комнату для приёма гостей. Я махнул на это рукой и пошел вслед за ним. Самого пастуха Турды не было. Его жена расстелила для гостей курпачи.^x Мы уселись в круг. Из свадебного дома принесли нашу долю - угощения к столу и две бутылки. Всё это мы отдали хозяйке. Хозяйка развела в очаге огонь и принялась готовить плов. Мы нашинковали ей морковь.

Вдруг пронзительно заржали кони. Сразу же узнав голос Тарлана, я выскочил из комнаты. Гнедой наездника Сафара с фырканием выкидывая передние ноги, бросался на Тарлана. Издали махая рукой я прикрикнул на Тарлана:

- Хватит!

^xкурлачи - узкие, ватные одеяльца для сиденья.

Тарлан попятился и передними копытами стал рыть землю. Он оскалившись заржал, предупреждая гнедого. Мол, не подходи лучше.

Я взялся за недоуздок и успокоил Тарлана:

- Хватит! Так, так, так! Так, говорю! Сафар-ака, я разве не говорил, что ваш гнедой - недобрый конь! Вот обидел Тарлана! Уберите теперь!

Кони наши успокоились. После плова вечером мы смотрели борьбу.

Наутро, после завтрака, оседлали коней. Отправились в холмистую степь среди горных цепей. На закате степь выглядела бурой. На границе степи росли тутовые деревья с толстыми стволами. Зрители расположились точно птицы на ветвях тутовника. А другие группы расположились полужёжа на окрестных холмах. Наездники расседывали коней, подготавливая их к скачкам.

Мы тоже расположились у одного холмистого склона. Я расседлал Тарлана, дал ему поваляться. Затем оседлал его. Обмотал себе ноги портянками, натянул лежавшие в хурджуне сапоги для улака. Сапоги мои на высоких каблуках, из козлиной кожи. С изнанки кожа сшита внутренним швом. Изнанка обычно бывает блестящей, гладкой. А верх сапог я смазываю нутряным салом. Такие сапоги не пропускают воду, снег, холод. И не рвутся. Надел надорванные с обеих сторон шаровары. Я их специально надорвал. Потому что, если во время скачек что-нибудь зацепится за шаровары, они могут совсем разорваться.

Опустил треух на ухо. Вдев ногу в стремя, ухватился за луку седла. Помчался в степь. Другие наездники для разминки проехали по кругу.

В это время, глядя в сторону кишлака, наездники прокричали:

- Везут!

Со стороны кишлака показалось двое верховых. Один перед собой положил черную тушу козла. Подъехав к нам он сбросил её на землю. Наездники дали своим коням обнюхать тушу. Переворачивая, показывали тушу со всех сторон. Кони сгрудились.

К нам подъехал усатый человек, его лицо напоминало размянувшуюся лепешку, только что вынутую из тандыра. Это был распорядитель. Подняв рукоятку плетки над головой, объявил зычным голосом:

- Эй, наездники! Слушай мои слова и правым ухом и левым ухом! Вербовку на добычу не накидывай - раз! Друг друга плохими словами не обзывай - два! Плётку не применяй - три! На упавшего наездника не наезжай - четыре! Если убегает конь - помоги поймать его - пять! А ну, налетай!...

Распорядитель выскочил из круга. объезжая всадников, громко объявил:

- Первый приз - платок и десять рублей! Не говорите, что не слышали!

Наездники сгрудились в круг. Подстегивая лошадей плеткой, подгоняя ударами коленей в бока, они бросились к туше, лежавшей на земле. Туша оказалась среди множества конских копыт. Руки наездников рванулись к туше. Не достали.

-Ну-ну-ну!

-Но-но-но!

-Хватай-тащи-тащи!

Попытки были безуспешны. Туша по-прежнему лежала на земле. Всадники и их кони покрылись обильным потом. Итак, и кони и наездники укротили свой первый пыл. А иные, отирая со лба пот и вовсе отошли в сторону и присоединились к зрителям. Игроки, снова бросились к туше, Ринулся и я, вертя плеткой над головой Тарлана. Теснимый другими конями я пробрался к туше. Тарлан, сделав круг возле неё, остановился. Сжав зубами рукоятку плетки, я потянулся к улаку. Только было поднял, как на тушу надавил копытом чего-то конь, и она

выскользнула из руки. Сбившиеся лошади Тарлана оттерли назад. Тарлан споткнулся и покачиваясь вышел из круга. Мы оказались в стороне. Чтобы не пропал боевой задор Тарлана, я прогалопировал почти на версту. Будто мы захватили добычу!

Видя, что туша всё ещё остается на земле, распорядитель повысил награду:

- Эй, наездники, не говорите, что не слышали: поверх того добавили одного барана!

Кони зафыркали, заржали. На крупы с треском падали плетки. Наездники с гиканьем пустили коней к туше. Наконец-то она была поднята с земли. Зрители оживились. Лошади тревожно шевелили ушами. Кони помчались к низовью.

Распорядитель огласил:

- Улак поднят, улак поднят!

Всадники понемногу оживились и все помчались галопом. Топот, топот, топот...

Все скачут вокруг туши козла. Всё внимание приковано к ней.

- Улак увезли! Улак у рябого и буланого!

Почему коня называем рябым? Потому что на лбу у такого коня белая отметина, а на кончике носа пятнышко. И оба паха лошади разукрашены пятнами. Видов рябого коня много. Сероватый рябой, черный рябой, рыжий рябой, гнедой рябой! А буланный конь желтый, грива и хвост черные, но встречаются и с белыми гривами и хвостами.

Рябой с буланным мчатся, насторожив торчащие уши, которые похожи на заячьи. Между ними болтается улак. Одна ножка туши у гнедого, другая у буланого. Вокруг десятки рук тянутся к ула-ку. Но не могут дотянуться. А если кто и дотянется, то не может вырвать. Окружив их мчатся и другие кони: топот, топот, топот...

- Улак у рябого и буланого! Не выпускай! Улак перешел к буланому, улак у Буланого! Жми!

Топот-топот-топот... И впрямь, наездник буланого, ловко перекинув ноги через тушу, прижал её коленом. Наклонившись вправо, потянул поводья вправо. Буланный преградил ему дорогу справа. Многие наездники, поняв, что больше тягаться бесполезно, один за другим начали отставать.

- Чисто! Буланный выиграл честно! Бросай буланный, бросай! Ну и молодчина! Буланный подходи, забирай свой приз!

Наездник буланого бросил тушу на землю и направился к распорядителю. Мы же бросились к туше. Снова сгрудились. На этот раз тушу унес всадник на низкорослом гнедом.

Гнедой конь - темно-рыжей масти. Шея, подобно шее змеи кобры, извивается колечками.

Теперь же улак выпал на мою долю. Я было потеряв всякую надежду, стоял в сторонке. Чей-то красноватый конь выволок тушу из круга по земле. Наш Тарлан повернул голову в сторону красноватого. Когда красноватый приблизился к нам, наездник поднял тушу на уровне колена коня. Я, тут нагнулся и подхватил добычу. Выпрямившись, ударил в бок Тарлана коленом и закричал:

- Но-о!..

Тарлан рывком отделился от группы. Вслед за мной приударили и другие наездники. Многие, догнав, потянулись к улаку.

Я надал Тарлацу плеткой. Вместо того, чтобы прибавить скорости, он замедлил ход. Я был в недоумении. Взглянул вперед и понял в чем дело. Впереди протекала довольно широкая речка. Я не знал, что делать. Пока поворачивал поводья мы очутились у самого берега. От нас не отставали и другие кони. Тарлан помчался вдоль берега. Туша находилась у меня под коленом со стороны берега, и поэтому никто не тянулся к ней. Но длиннорукие наездники потянулись к улаку через шею, через круп Тарлана. Мне не хотелось отдавать улак. Особенно Тарлану! Мы снова помчались вдоль берега. Голоса распорядителя не было слышно. Я опустил

поводья и крепко ухватился за тушу, прижал её к боку коня. Тарлан скакал сам по себе. А конца русла реки всё не было видно. Нас преследовали по пятам другие наездники. Тарлан посмотрел сверху на речку, на миг застыл и подняв передние ноги, бросился вниз. По-моему телу пробежала дрожь. Казалось, что мои глаза вот-вот выскочат из орбит. Я потянулся к поводьям, но не достал. Почувствовал, как наши ноги оторвались от земли, и я повис в воздухе. В голове молнией пронеслась мысль, что человек и умирает вот так. Крепко зажмурился и выпустил улак из рук. Очнулся от крепкого толчка. Сердце будто в пятки ушло. Я чуть не лишился чувств. В отчаянии приник к шее Тарлана.

Когда открыл глаза, то увидел, что мы скакали по сухому руслу реки.

Тарлан замедлил ход. Через два-три шага остановился. Нагнув голову, фыркая тяжело дышал. Я выпрямился, снова закрыл глаза.

Сверху раздался голос распорядителя:

- Туша на месте! На месте осталась!

Я взглянул наверх. Наездники смотрят на нас выстроившись в ряд у берега. Потянувшись, я взял в руки поводья. Пошел вдоль речки в поиске тропинки, которая бы вывела наверх. Сверху кто-то говорил внушительным тоном:

- Ну и ну, аж голова кружится когда смотришь вниз. У этого Тарлана два сердца! А если и одно, то с его голову!

Распорядитель предупредил:

- Тарла-а-ан, захвати улак!

Я сделал вид, что не расслышал. Мне не хотелось возвращаться за улаком. Стал подниматься по покатой тропинке. Дойдя до места, где оставил снаряжение, я рассупонил Тарлана. Осмотрел его всего. Погладил его ноги. Ушибов не было. Дал ему повалиться на земле, чтобы остыл. Прочесал его тело с ног до головы. Надел узду, привязал его к колышку. Всё, Тарлана в сегодняшнюю свалку не пущу. Он победил. Если на то пошло, то и моя обидчивая натура во мне заговорила, ведь в его победе есть и моя заслуга.

Братья, хотите, скажу Вам что-то? Я люблю ссоры из-за обид. Вот провалиться мне на этом месте! Если начиная от новолуния, и до тридцатого числа из-за чего-нибудь не обижусь, то у меня бывает такое ощущение, что в этом месяце и дня не прожил. Меня берет тоска. Хожу озираясь вокруг, будто что-то потерял. Придираюсь к мелочам. Какой-нибудь пустяк принимаю к сердцу будто это огромная гора обиды. Чувствую себя унижен-ным. Впадая в уныние, вспоминаю покойного отца. Думаю, что люди, зная, что я сирота, нарочно обижают меня. Разве виноват я, что я сирота? Потом в душе просыпается обида из-за моей головы. Ведь на голове моей нет волос, не был бы плешивым,, так бы меня не унижали, - с горечью думаю я.

В таких случаях меня принимают упрашивать друзья по стремени. Держа коня за уздечку, они говорят: хоть раз сдержите свой гнев, наездник Зиёдулла. Подобные моменты переживания обиды по душе мне, как бальзам! Хмуря лоб, я смотрю куда-нибудь вдаль. Глазом не моргну, не шевельнусь. Друзья мои по стремени ещё пуще стараются. Наездник Зиёдулла, вы славный, великий наездник, подумайте и о нас,- упрашивают. Ах-ха! Вот где наслаждение для души! И только пережив подобные минуты, я в знак согласия задумчиво качаю головой. Так и быть, говорю, ваша взяла. Довольный, я поворачиваю коня.

Много времени я ходил в ожидании ссоры из-за обид. И вот, теперь выпал такой случай. И причина подходящая: мол конь не жалел себя ради человека. А распорядитель НЕ оценил его самоотверженности!

Обидевшись, я продолжал сидеть. Мчась, будто бурный горный поток, какой-то всадник на палевом коне подлетел к распорядителю.

Палевый - это значит соломенного, бледно-желтоватого цвета. Ноги в пестрых носочках.

Ушных бывает на лбу ещё и белая звездочка. У этого её не было.

Я не узнал бородатого всадника на палевом. Голос наездника был рассерженным и в то же время добрым:

- Эй, распорядитель, хотя у тебя ЕСТЬ усы, но совести-то оказывается нет! Смотри, откуда бросился Тарлан. Конь это сделал не потому, что испугался тебя или нас, это было самопожертвование ради человека. Если такого отважного коня даже золотом осыпешь, всё равно в долгу останешься. Отдай его приз!

- Он выронил улак из рук!

- Отдай, а если нет, ТОЖ сам для этого Тарлана одного барана из дома привезу! Даёшь или нет!

Распорядитель дал нам одного козла и двадцать пять рублей.

Состязания я смотрел до конца, полулёжа, облокотившись на локоть. Мои друзья по стремени ни разу не выиграли.

Все стали расходиться. Мои друзья по стремени возвращались с улака не солоно хлебавши. Я начал их упрекать:

- С каким лицом посмотрим на лвдей? И это двадцать наездников! Весь выигрыш - всего-навсего один козел. И то его выпросили.

Мои спутники ехали с поникшей головой, в ответ лишь пожимали плечами.

- А что, если сделаем так. Сделаем в пути привал. А в кишлак въедем, когда стемнеет.

Когда до кишлака остался ещё один холм, все спешили с коней. Прилегли отдохнуть. А когда стемнело, сели на коней. Я ехал впереди, на случай, если кто-нибудь встретится. Как-никак, у меня козел. Для отвода глаз...

Вышло так, как я и говорил. Только успели проехать каменистую местность, как неожиданно навстречу показался чей-то черный силуэт. Мы свернули с дороги. Тень подала голос:

- Эй, вы там, случайно не видали пеструю корову?

- Не видели.

- Зиёдулла-наездник? Это ты? Со скачек возвращаетесь?

- Со скачек.

- Ну как, не с пустыми руками?

- А то как же!

- Что-то не похоже.

Я резко потянул козла за шерсть. Козел протяжно заблеял.

- Слышите голос?

- Да, хорошо, хорошо. Одним словом, не возвращайтесь с пустыми руками. Вы ведь народ представляете.

- Вот такие живые голоса есть у каждого. А о хурджунах, набитых халатами, можно и не говорить!

* * *

Отправились на свадьбу в Сино. Из-за грязи, хлюпавшей под ногами, хвосты у лошадей завязали узлом..

Братья, синайцы - народ каверзный! Никому ничего не дают. Сами ничего не могут, а если кто что-то может делать, они этого терпеть не могут. Наших успехов не признают, всячески унижают.

При виде нашей растерянности злорадно смеются. Мол, ой, бедненькие. Что поделаешь, что впитано с материнским молоком, то уж до самой смерти.

И на сегодняшних состязаниях вышло так, как мы и думали. Из Байсуна приехал наездник Файзи. Вот где подлец, вот где наездник! Я сошел на бияы Л Конь под ним тонкобрюхий! Скачет словно водяной змей! Два раза подряд вырывал улак из под рук соперников.

Третий улак достался мне.

Улак был то у байсуновских, а то у вахшиваровских. Синайским не достался.

Когда наездник Файзи в третий раз вырвал улак, синайцев прорвало. Один из них ухватился за уздечку коня Файзи, а другой прямо так и заставил Файзи выронить тушу. Но Файзи снова схватил её и ускакал. Тонкобрюхий бежал как борзая! Синайцы остались далеко позади. Только один громадный жеребец нагонял его. Но наездник на жеребце не дотянулся до улака. Жеребец ударил грудью тонкобрюхого коня Файзи и помчался дальше. Это он из-за мести!

Тонкобрюхий наездника Файзи полетел кувыркком, а сам Файзи перелетел через его голову и упал на землю. Тонкобрюхий поднялся, пять-шесть раз вздохнул. Посмотрел на своего наездника. Тот, несмотря на сильное падение вскочил и побежал к тонкобрю-хому.

Бог мой! Вели наездник свалится с глинобитного дувала, что-нибудь да ушибёт. Упадёт с маленького ослика - некоторое время лежит не двигаясь. Но слетев с коня, скачущего подобно стреле, он вскакивает, будто ничего не случилось!

Братья, если упадёте с осла, то он подставит копыто, а лошадь - гриву!

Наездник Файзи подошел к своему тонкобрюхому. Вытер прилипшую грязь с шерсти коня. Сняв съехавшее на брюхо седло заново оседлал. Отряхнул свою одежду. Затем пустил коня вскачь, въехал в круг и яростно вцепился в улак. В это время конь кого-то из синайцев топтал тушу, и Файзи не смог вытянуть её из-под копыт. Вылез из свалки и с досадой бросил:

- ... если можешь справиться, только тогда садись на коня, сучий сын! Чем так, лучше бы тебе подохнуть! Посмотрю, как приедешь к нам на улак в Байсун. Тьфу!

Плевков наездника Файзи попал на круп громадного жеребца. Наездник был обижен. Вслед за ним отправились его друзья по стремени.

Наездники Сино, понимая, что не быть улаку в их руках, встали на нечестный путь. На улак накинули веревку! Она длиной в половину маховой сажени. С палец толщиной. Концы заканчиваются петлей, через которые можно продеть руку, набросить на луку седла. Если наездник протянет веревку через лодыжку и привяжет к руке, то выхватить у него улак невозможно.

Есть ещё один замечательный способ накидывать веревку на улак. Синайцы применили именно этот способ. Один из них изловчился поднять улак с земли. Протянул веревку через лодыжку козла, а петли ее закинул на луку седла. И поскакал, зажав улак под коленом. Такой улак невозможно выхватить, если только не скинуть наездника вместе с седлом или если не свалить его лошадь!

- Веревка! Веревку накинул!

- Нечестно, улак гнедого добыт нечестно! Распорядитель всё видел, всё слышал. И всё равно сказал, что честно. Наездники были недовольны. Распорядитель пожимая плечами, прикидывался непонимающим:

- Веревка? Какая веревка? Сегодня вы у нас дорогие гости, не надо клеветать. Гнедой, подходи, забирай свой приз!

Наши возражения остались без внимания. Многие уехали с улака рассерженные.

Распорядитель стоял на своём:

- Акун не накидывал веревку, это правда!

- Э-э, плевать на такую правду твою!

Наездник Хамдам, отряхнув полы, отправился восвояси.

Почему они уходят, отряхивая полы? Ради справедливости! Почему уходят, сплевывая? Ради справедливости! На кого обижаются уходя? На несправедливость! Из-за кучки подлецов,

погорячившись на бессовестных мерзавцев, уходят, кинув справедливость в огонь! Братья, мы всегда твердим: справедливость, справедливость. Это слово с языка не сходит. А при виде несправедливости, пасуем. Сетуем на жизнь, на судьбу. Мол, справедливости нет, мол, справедливость на небе. Братья, справедливость - на земле! Под нашими ногами! Она лежит смешавшись с пылью. Кто над ней так глумится? Мы сами! Я, вы, Файзи-наезд-ник, Хамдам-наездник! Вон, они сбежали! Вот так, всегда, когда справедливость поправа - мы убегаем. Воротим от неё лицо. Делаем вид, что ничего не видим. Когда подлец душит справедливость, мы отходим в сторону. От дурного убегай, не связывайся, или не замечай его ни в чем, говорим мы себе. Мол, не буду равняться с дурным человеком. Придя домой, говорим: такого-то не по справедливости обвинили, оказывается правды на свете нет. Но об этом открыто, прямо в лицо, не говорим этим дурным лвдям. Держимся в стороне, будто ничего не замечаем. Прикусываем язык. Боимся потерять авторитет и боимся лишиться должности. Или не Еелаем наживать себе врага. Правдивое слово и родному человеку не нравится, говорим себе, махнув рукой: да ладно.

Вон все разбегаются. Желание убежать передалось и нашим друзьям по стремени. Поехали, - сказали они. Я резко ответил:

- Никуда не пойду! Буду участвовать в улаке до конца!

Друзья мои по стремени поддержали меня. Какой-то синаец зашептал рядом стоящему наезднику:

- Ну и хорошо, что все разом уходят. Теперь всё нам останется. Я разозлился пуще прежнего. Отдал Тарлана наезднику Самаду. Сам оседлал его светлого буланого коня. Выжидая, я держался чуть поодаль от наездников, сбившихся в кучу. Один из синайцев снова накинул веревку на улак. Я мигом подскочил к нему и не отставал. Схватил улак за одну ляжку, и не отрывал руки. Наконец конь синайца устал. У него и самого пропало желание, и он выпустил из рук тушу. Она упала на землю. Я не успел подхватить её. Буланого я повернул обратно. Вытер лоб рукавом. Поднимал и опускал ворот рубахи, чтобы освежить грудь. Ох, какое это блаженство. Ох, какая прохлада и наслаждение овладело мной. У меня было такое ощущение, что совершил благое дело.

Снова стал в сторонке от сгрудившихся в кучу всадников. Светлый буланый конь всей своей тяжестью уперся на задние ноги. Теперь из середины круга вынес тушу синаец на рыжем коне. Светлого буланого я пристроил рядом. И этому не дал унести улак. Этот мчался и брал всё левее. "Отпусти! Отдам половину награды",-зашептал он. Но я сделал вид, что не слышу и продолжал скакать, держась за улак. Он от злости выругался. В конце концов и он сбросил улак. Словом, я не отдал ему улак.

Теперь улак схватил наездник Юлдаш из Вахшивара. Он отобрал честно, без накидывания веревки. Я не стал ему мешать. Распорядитель, видя, что своим наездникам улак не достаётся, пошел на самое подлое дело последнего подлеца. Под предлогом, мол улак растрепался, отнес его в сторону. А спустя немного, он принес его и бросил перед всадниками. При виде туши мы оторопели. Распорядитель, отрезал ляжки и шею туши. Такую тушу невозможно поднять с земли. Причина - не за что ухватиться. Если поднять за шерсть, сдерёшь клочок шерсти и только.

Несмотря на это наездники, всё же решились: как говорится, только у шайтана нет надежды, и кинулись к улаку. Но всё же с земли поднять его не смогли. А распорядитель этого и ждал. Он объявил о заключительном заезде.

- Не говорите, что не слышали, кто поднимет, тот и получит! Кто поднимет тушу, тот получит кило жира, кило риса, да ещё и морковь в придачу! Хватай!

Для того, чтобы поднять с земли такой улак есть один способ. Только очень трудный.

Будь, что будет! Оседлал я своего Тарлана. Предупредив друзей по стремени, направился к улаку. Потянулся. Ухватился, крепко ;скимая шерсть вместе со шкурой. Что есть силы рванул

тушу и положил её на луку седла. Придвинув к своей груди, придавил тушу локтями. Остальное было за Тарланом! Тарлан мчался как лиса.

Последний приз состязаний достался мне. Я одержал победу!

* * *

Рихсиев переехал в кишлак. Одни говорили, что его сняли с работы, другие, мол, надоел ему город. Сняли или сам вернулся, прогнали или сам вернулся, - одним словом, вернулся. Стал учителем в школе. Жил за нашим домом в обветшалом дворе своего дяди. Несмотря на зиму, устроил хашар^x и благоустроил двор. На хашар и меня пригласил» Если позвали, то не пойти нельзя. Рано или поздно всё равно придется иметь с ним дело. Пошел. Сам Рихсиев не работал. Прилѐг, постелив курпачи на супу возле ямы, где размешивают глину для кирпичей.

Братья, Рихсиев мне все уши прожужжал! Только и знает тара-юрить. Не осталось в мире новостей, о которых он не сообщил бы мне. Где идет война, из какой страны высылают, куда поехал король и какой страны, зачем поехал, что сказал, на поезде поехал или на самолете, здоровался со встречавшими обнимаясь или протягивая кончики пальцев - ничего не забыл, всё рассказал. Голова моя гудела.

Рихсиев и на другой день пригласил людей на хашар. Не приду, - сказал я, - завтра улак.

Тут за мной пришли из дома. Не дожидаясь плова, поспешно ушел. В моём доме раздавался крик ребёнка: уаа-уаа...

^x хашар- добровольная общественная взаимопомощь при каких-либо работах.

Братья, я стал отцом! У меня сын! Наша тѣтя Хумор была повивальной бабкой. Идал утра, не смыкая глаз.

Утром Тарлану я не дал воды. Корма задал поменьше. Отправился на поляну в восточной части кишлака. Лошадей мало. Все кони наши. Гостей мало.

Снарядив Тарлана, отвел к коням. Ну что вы скажете, - моя лошадка не желала скакать! В самый последний момент он попятился. Грызя удила, замотал головой. Я коленом ударил его в бок и надал плеткой. Вздрогнув затоптался на месте. Чтобы припугнуть, я заиграл ллеткой над головой. А он стоял, прядая ушами, будто говоря: хочешь бить - бей. Понял, нет у Тарлана настроения.

Вот так! Братья, у каждого коня есть свой нор, своё настроение. В дни, когда конь не в духе, он не подчиняется человеку. А если надоедать ему, он может укунить за плечо или может хорошенько лягнуть в пах. В такой момент некоторые наездники бьют лошадь по голове рукояткой камчи. И тогда рассвирепевший конь сбрасывает наездника и убегает. У лошади появляется ненависть к человеку, он от него отворачивается. Его тянет к своим предкам - дивам! Затосковав по родичам, убегают ;в степь. Присоединяются к табуну. Жеребец, увидев кобыл, трѣтся к ним. Дышит воздухом предков! Обнюхивая друг друга, жалуется на человека. Говорит: будучи истинным дивом, склонил голову перед человеком, стал его рабом, но не ужился с ним.

Нет! Когда конь не в духе, не надо его трогать, надо считаться с его настроением. Поэтому я не стал принуждать Тарлана, и стал зрителем.

Земля поросла жестким дерном, Выло много рытвин и камней, поэтому во время скачек наездникам приходилось глядеть в оба. Берегли коней, чтобы те не споткнулись. Кони с нежными копытами стояли как и мы в стороне, были зрителями.

Когда кончились состязания, распорядитель объявил:

- Эгей, наездники, сегодня съехалось мало коней! Ведь дальние и ближние джигиты не знали, что улак будет проходить в те же два дня, что и свадьба! Поэтому завтра Кабул-богатырь проведет большой улак! Пусть желания ваши не останутся неисполненными !

Дома вымыл Тарлана теплой водой. Расчесал ему шерстку. В сумерки провел его вокруг свадебного двора, дал послушать звуки карная и сурная. Дал ему подышать воздухом свадьбы. Потом привязал его к колышку в центре двора. В полночь Тарлан заржал. Я вышел посмотреть. Тарлан передними копытами разрывал земли. Стал кружить вокруг колышка. Значит, Тарлан избавился от подавленного настроения. Его привела в чувство атмосфера свадьбы. Настроила на улак!

Назавтра коней было больше, чем ожидали. И лучшие кони не смогли даже морды просунуть в круг. Прошло столько времени, что можно было приготовить плов, но туша лежала на земле неподвижно. А если и сдвинулась, то не более как на пять-десять шагов, Наконец-то наездник на каком-то битюге с широкой грудью сумел поднять улак с земли. Но подстерегавший его в сторонке какой-то серый захребетник, подскочил к беспородному коняге, сорвал улак и ускакал. На больших состязаниях, если улак хотя бы только выносят за круг столпившихся всадников, то добыча считается честной. И поэтому, когда серый проскакал шагов двадцать-тридцать, распорядитель поднял плетку над головой: -Честно! Бросай, серый, бросай!

Ох, уж эти захребетники! Они подстерегают в сторонке, собравшись в кружок. И поэтому их прозвали захребетниками. И сами они, и их кони привыкли держаться в сторонке. Они не могут добыта улак из круга. Поджидают в сторонке, готовые кинуться на легкую добычу. Вынесенную другим добычу они подхватывают, как лисы и убегают. Труд наездника, вынесшего улак из круга идет прахом.

С тысячью мучений я вынес тушу. И эту добычу выхватил тот же серый. Я остался ни с чем. Серый захребетник явился для меня просто как пакость, проклятье, от которого трудно избавиться. Тогда я применил хитрость. Схватив тушу, пустил коня навстречу солнцу. Серый отстал. Почему? Да потому, что глаза у серых коней бывают голубые. Не могут бежать навстречу солнцу. Солнце их ослепляет!

-Победа Тарлана честная! Бери свой приз! Наездники, теперь ставка на темную яму! Смотрите! - и распорядитель показал всем кусок красной материи. Прикрепив его к концу шеста в мах/овую сажень, соорудил подобие знамени. И воткнул его в дернистую землю с края ямы, которая была чуть больше обычного очага.

- Вот это и есть знак темной ямы! Кто - донесет улак до этой ямы и сбросит его сюда, тот получит двух овец, пятьдесят рублей денег и один стеганный халат! Если есть тугоухие, повторяю условия ещё раз...

Ставка на темную яму - самое сложное и трудное состязание в улаке. И поэтому самое почетное. Честно победить в этом виде соревнования - честь и для наездника и для коня. Один раз сбросить улак в темную яму - это больше, чем три раза вынести улак из груды!

Борьба разгоралась всё сильнее и сильнее. Тут Джура-бобо, пустив коня рысью, подъехал ко мне.

- Наездник Зиёдулла, испытайте братац и нашего гнедого.

Он спешился и протянул мне поводья. Я вручил ему поводья Тарлана. Оседлал гнедого Джуры-бобо. Делать было нечего: нельзя было не уважить, человек он пожилой. Ему за шестьдесят. Бездетный. Дважды был женат. И от обеих жен не было детей. На третьей женился. И эта не родила. Жены, с которыми он развелся, вышли замуж и обзавелись детьми. Вот и ходит теперь Джура-бобо, не смея поднять голову. На свадьбах не поднимал глаз выше скатерти. По улицам ходил и смотрел на носки сапог. Не мог даже громко разговаривать.

Джура-бобо обратил внимание, что его имя почти не произносилось лвьми. Народ вспоминал о нем лишь, когда встречал его или попадался на глаза его дом. При встрече говорили: - Как здоровье Джуры-бобо? Или : - Это дом Джуры-бобо. Имена же других

постоянно на устах лвдей. К примеру, соседский сын в школу идёт. Учитель делает переключку: Мурадов! Соседский сын вскакивает с места, и говорит, - я. В класс за день шесть учителей приходят. Значит, имя Мурада-соседа звучит шесть раз. Всего у соседа восемь детей. Все в школу ходят. Каждый из них даёт возможность отцу прозвучать его имени в день шесть раз. Значит, сосед в день сорок восемь раз упоминается лвдьми. Помимо этого, ещё на улицах несколько раз произносится его имя! Это чей сын? Мурада! Это чья дочь? Мурада!

Жизнь для : Джуры-бобо стала тяжелым бременем. Как-то перед сном он принял опиум. И решил запить холодной водой, чтобы умереть. Поднес к губам фарфоровую чашку с водой и вдруг передумал. Ему захотелось назло всем совершить какое-нибудь храброе дело. Он с гневом отшвырнул чашку. Она разлетелась вдребезги.

Продав коров, овец. Купил "Жигули". За руль посадил старшего сына соседа. Сказал— Мне довольно того, чтобы возил куда скажу. Цель - пусть его машина за собой уличную пыль поднимает, а лвди пусть скажут: эта машина Джуры-бобо. Машина Джуры-бобо небесного цвета, пусть скажут. По дорогам ГАИшники пусть останавливают, документы проверят и прочтут его имя...

Душа Джуры-бобо не нашла в этом удовлетворения. Продав машину. На вырученные деньги купил вот этого гнедого. И долю неродившихся своих детей скормил гнедому коню. Растил его для улака. Сам в улаке участия не принимал. Постарел, и всё равно, как неугомонный наездник готовил своего гнедого для состязаний. Пристав к участникам состязаний, ездил вместе с ними и в дальние кишлаки. Если чья-нибудь лошадь утомлялась или становилась непригодной, он давал ему своего гнедого. Теперь у Джуры-бобо была одна забота: лишь бы гнедой вынес улак из круга. А распорядитель объявил бы, что конь Джуры-бобо вынес улак. И чтобы он крикнул:- Конь Джуры-бобо, подходи, забирай награду. Главное, что имя услышит тьма народу. А когда тугие на ухо переспросят, кто выиграл, пусть бы им ответили, мол, это конь Джуры-бобо.

Распорядитель и наездники поняли, что было в мыслях Джуры-бобо. На состязаниях старались сделать ему приятное. Специально просили его гнедого для состязаний. А когда Джура-бобо сам предлагал гнедого, наездники никогда не отказывались...

Показав гнедому Джуры-бобо яму, и дав ему обнюхать её, вернулся я на место. Через мгновение наездники с громким топотом сбились в плотную кучу. Улак вынес чей-то конь, похожий на серую куропатку.

Один бок серого был голубой, другой белый, а ещё были на нем темные пятна. Вот поэтому его и называют серой куропаткой.

Серый взял левее и оторвался от группы. Те серые захребетники не подступились к куропатке.

Распорядитель, тряся плеткой над головой, сказал:

- Не в счёт, серый не в счёт! В яму улак не попал!

И впрямь улак зацепился на краю ямы. Победа засчитывается, если попадёт точно в яму.

Распорядитель забрал улак и, отъехав подальше, сбросил на землю.

- Наездники, ставка прежняя! Хватай!

Та, серая куропатка снова хочет вынести улак из круга. Я и залюбовался, и недоумевал. Почему только этот серый берет? Даже и захребетников оставил с носом. Я всмотрелся внимательно. Серого окружили несколько его друзей по стремени. И наездник на сером спокойно поднял улак. Начал протискиваться из толпы. Друзья по стремени чужих лошадей к серому не подпускали. Они скакали окружив серого, делая вид, будто дерутся за улак. Стегая серого по крупу, помогали:

- Дарбанд, давай гони, Дарбанд! Ну, проворней, Дарбанд!

- Жми, не поддавайся, Дарбанд!

Значит, это наездники из Дарбанда. Наездник на сером прижав коленом улак, мчался с гиканьем:

- Эге-гей, эге-гей, эге-гей! Ох, ты батюшка мой! Ах, милый мой отец, гони же!

Братья, что же это получается: дарбанский наездник коня называет отцом? Ах-ха!

Куропатка на этот раз сбросил улак точно в яму.

- Честно-о! Серый, э-эй, серый! Забирай улак и отвези туда, откуда приехал. Наездники! Следующая ставка: большой бык. Если забьёшь на мясо, огромную свадьбу накормишь! Хватай, не оставайся без исполнения желаний!

Конники снова пустили лошадей вскачь к яме. На этот раз улак достался саврасому коню из колхоза "8-Марта".

- Не сдавайся "8-Марта", не сдавайся!

- "8-Марта", будь осторожен, вслед карий мчится!

- Жми же, что есть мочи!

- "8-Марта", наддай коню!

Бык ушел к конникам из "8-Марта"!

Затем улак из круга вынес я. Кони, скакавшие рядом, обогнали меня. Преградив все пути, не подпустили меня к яме.

Братья, один конь пыли не поднимет, но если даже и поднимет, то славы этим не добудет!

Вне себя от обиды, я заорал, обращаясь к своим наездникам:

- Вы живые люди или нет?! Хоть сейчас подсобите!

Только тут наши опомнились. Мы приняли решение. Я пробрался к улаку. Потянувшись, подхватил улак с земли. Распорядитель объявил:

- Улак поднимает конь Джурь-бобо! Конь Джурь-бобо! Вырывая друг у друга улак с наездником на саврасом из

"8-Марта", мы выбрались из круга.

- Улак у коня Джурь-бобо! Не говорите что не слышали, улак у коня Джурь-бобо!

Мои друзья по стремени скакали взяв меня в круг. Чужим коням не давали подступиться. Стегая гнедого Джурь-бобо, я приговаривал:

- Ну-ну-у, жми же, конь Джурь-бобо!

- Ах, и что за гривушка, так и колышется, гони же, конь

Джурь-бобо!

- И-и-иех!..

Толот-топот-топот... Коня ржали, кони фыркали. Яростно грызли удила. Гривы развевались. Хвосты распустились подобно павлиньим перьям. Из под копыт пыль вздымалась в небеса. Топот-топот-топот...

Конь Джурь-бобо к яме подскакал победителем. Когда он прыгал через неё, я выпустил улак из рук.

- Честно-о! Гнедой Джурь-бобо победил честно! Гнедой Джурь-бобо, подходи, забирай свой приз!

Получив награду я подъехал к Джуре-бобо. Он заулыбался. Победоносно оглядел толпу: мол, видите, наш конь победил!

* * *

Зима подходила к концу, свадьбы кончились. В воздухе запахло весной. Вслед за подснежниками расцвел ирис. Мы полной грудью вдыхали весенний воздух.

Но при одной новости наше весеннее настроение превратилось в зимнее. Весенние краски

сгорели.

Явился человек сверху, о котором говорил бригадир. Увидел его у конторы. Рядом с ним два милиционера.

Они ходили из дома в дом и забирали лошадей. Не хотел народ отдавать, так ведь начальство! Хотели подраться, так рядом милиционеры! Лвди шли вслед за конями до самых ворот. Горе лвдей осталось внутри. Я улёгся на спину и всю ночь думал. Рано утром оседлал Тарлана. Погнал его в Обшир. Примчался словно вихрь. В западной части кишлака Ошир много холмов и взгорий из белой глины. На скатах этих холмов есть промоины. Привязал Тарлана в одной из таких темных промоин. Когда взошло солнце и осветило мир, я вернулся домой. С приподнятым настроением отправился на свое пастбище.

В сумерках я смешал десять кило ячменя с мешком резаной СОЛОМЕ. Когда стемнело, взвалив на спину мешок отправился в путь. В дороге пропотел, шел, делая передышку. Прислонил мешок к промоине. Зажег спичку в ладонях. Чтобы Тарлан меня увидел, поднес огонь к лицу. Прося корма, он с мольбой в глазах зафык-кал. Ведя Тарлана в поводу, я напоил его из арыка, что протекал неподалёку. Потом в торбе подвесил корм. Почесал его. Дома перекусив, я растянулся в постели. И веки мои тотчас сомкнулись.

Проснулся оттого, что трясла жена. Вставайте говорит, кто-то вас зовет. Полусонный я поднялся. Вышел во двор: наш пёс Олапар кого-то не хочет к нам пускать. Издали я прикрикнул на пса. Он виляя хвостом, отошел в сторону. Смотрю: а на улице стоят председатель, начальники, что приехали сверху. Я поздоровался с ними. Председатель показал на человека в тюбетейке.

- Этот человек - уполномоченный из района. Из управления районного сельского хозяйства.
- Хорошо, хорошо. Ну, что ж, проходите.

Человек в тюбетейке вошел во двор. Остальные последовали за ним. Когда они оказались у лампы, я отчетливо увидел их лица. Лицо человека в тюбетейке было бледно, как цвет песка, он оказался одним из таких же плешивых, как и я. Из своих оказывается, подумал я.

Плешивый начальник огляделся вокруг.

- Где конь?
- Какой конь?
- Какой? С четырьмя ногами, с двумя ушами.
- У меня такого коня нет.

- Поищи лучше, голову не морочь. Вести пустые разговоры времени нет. Таких как ты, тысячи.

- Начальник, что делать у меня коню? Вон, сами посмотрите. Если найдёте - он ваш.

Плешивый начальник, поигрывая пальцами, сделал знак стоящим рядом.

- Обыщите.

Сопровождавшие его люди зажгли огромные китайские фонари и пошли обыскивать хлев и конюшню.

- Коня нет, но от него есть навоз. Плешивый начальник уставился на меня.

- Как бы вам объяснить начальник, дом-то с воротами, видать, это лошади гостей, должно быть оставили после себя кизяк. Ведь не скажешь: не оставляйте, лошади-то гостей.

- Как твоя фамилия? Та-ак, Курбанов, та-а-ак. Курбанов Зиёдулла. Вот, в списке ты числишься, конь у тебя есть. Словом, завтра снова придём. Найдёшь коня, хорошо, а нет - пеняй на себя!

Плешивый начальник ушел уверенным шагом. Председатель наш всё время то крутился рядом, то семенял позади него. Тут из комнаты показалась моя мать.

- Скажи, пусть оставят что-нибудь. Я догнал их у ворот.

- Начальник, в доме есть грудной младенец, назвали Ибрахим-баем.

- А мне-то что?

- В дом, где грудной младенец, нельзя приходить в такой неурочный час. А если кто-то, не зная этого пришел, должен хоть что-нибудь оставить.

- Откуда же мне взять?

- Нам всё равно. Пусть даже маленькая ниточка с конца вашей одежды. В доме, где есть младенец, женщины эту ниточку при окурировании комнаты сжигают вместе с гармалой.

- Что, мне теперь из-за этого полу одежды рвать?

- Нет, рвать необязательно, начальник. Сгодится любой волосок, приставший к вашей одежде.

Плешивый начальник махнув рукой на меня, пошел своей дорогой. Я вернулся в дом и сказал, что он ничего не дал. Мать, осыпая его проклятиями, ушла к себе. В плоском глиняном блюде зажгла гармалу и трижды окуривав комнату младенца, изгнала "злых духов".

Я решил, что начальники запугали меня для отвода глаз. Но назавтра они снова явились. Осмотрели конюшню. Обнюхивая, осмотрели и детскую комнату. Их выходы заделали меня. Я стиснул зубы.

- Ну, где?

- Что "где"? « Конь!

- Начальник, это на каком базаре вы мне коня покупали? На Денавеком базаре или на Щурчинском?

- Не больно-то скрипи зубами, мы тебя не боимся. Выводи коня по-хорошему. Столько у тебя скотины, овец, кур, лошадь... на что тебе столько скота? Вон, в магазине всего полно. Хочешь ли мясо, или кефир, или молоко.

- Начальник...

- Что, может капиталистом захотел стать? Тогда извините пожалуйста! Мы живем в социалистическом обществе. Верно, товарищ председатель?

- Верно, верно!

- А, может, оседлав коня, решил басмачом стать? Тогда извините пожалуйста! А, может, в твоём роду басмачи были? Это надо проверить...

- Начальник, не говорите так. Мой несчастный отец отдал свою жизнь за советскую власть. А если о коне, то конь - спутник мужчины, начальник. Если на то пошло, мы устраиваем улак.

- Фи, ты в каком же обществе живешь, а? И это я до сих пор играл на танбуре под ухом у осла? Твой улак - это пережиток прошлого! Игра дикарей!

- Начальник, плешивая голова оказывается не голова. Я думал, что только моя голова такая, а выходит, ещё и ваша не отстаёт от моей.

- А ну, заткнись, мать твою...

- Начальник, мать мою не трогайте. Она, бедняжка, нянчит в комнате своего внука. Вам такие низкие слова не подходят.

- Тебе говорят, заткнись...

- В таком случае, и я могу вашу...

Я не успел договорить. Плешивый начальник с размаху ударил меня в челюсть. Рука у него оказалась слабая, как женская - мне не было больно. Я закончил начатую фразу до конца. Плешивый начальник нацелился пнуть меня в живот. Я увернулся. Он в порыве гнева не удержавшись, слетел с супы. Подбежали его люди и вытащили его из ямы. Одежда его была в грязи. Тяжело дыша, указал на меня.

- Держите его! Бандита держите!

Они подошли ко мне сбоку и скрутили руки назад. Следуя за плешивым начальником,

повели меня в контору колхоза. Сунули в маленькую машину. В дороге меня вырвало.

Братья, я терпеть не могу запах бензина. От него у меня кружится голова и начинается рвота. Ощущение, будто меня спустили с неба.

Приехали в район, вышли из машины возле управления милиции. Следуя за плешивым начальником зашли в застеклённую комнату слева. Сидевшие около телефона работники при виде начальника встали. Плешивый начальник, показывая на свою одежду, принялся изливать свою обиду:

- Для сбора лошадей на мясо мы с вашими коллегами пошли вот к этому типу. Сказал: отдавай коня. Не отдал. Обругал меня бранными словами. И мать упомянул, и жену. Потом одним ударом свалил в яму. Факт на лицо - я весь в грязи. Вот Ваши коллеги-живые свидетели. Вон, и председатель здесь. Верно, председатель?

- Верно, верно! Свалил в яму!

Они положили перед плешивым начальником бумагу.

- Вот, напишите рапорт.

Потом они забрали исписанную плешивым начальником бумагу. Через некоторое время он вернулся.

Плешивый начальник поблагодарил его и ушел. А мне милиционер сказал: а ну, пошли. Я пошел за ним. Он запер меня в темной вонючей комнате. По утрам я подметал двор, улицу. Чистил уборные. Ночами не спал, всё думал о Тарлане. Матушка с женой приходили, принесли еду и в слезах ушли. О Тарлане я им ничего не сказал. Женщины - народ болтливый, могут проговориться. Да и вообще Тарлана приучал только к себе. Никого кроме меня к себе не подпускает, ест только из моих рук.

Ровно через десять дней меня выпустили, и я вернулся в кишлак. Не заходя домой, напрямик помчался к Тарлану, взобрался на холм. Тарлан не заржал. Мои опасения усилились. Потерял надежду увидеть Тарлана в живых. Так и застыл возле промоины. Оглянулся назад. К сердцу аж что-то подкатило.

В промоине что-то стоит о четырёх палках. Живое, или нет - непонятно. Блестят какие-то две точки. Глаза что ли?

Прошел внутрь промоины. Повиснув на шее Тарлана, горько-горько зарыдал. Вывел его в поводу из промоины. Когда Тарлан спускался вниз, его передние ноги подогнулись, и он чуть было не упал.

Немного напоил из арыка. Шагая вдоль арыка размял ему ноги. Расчёсывая, вымыл его. Снова напоил водой. Под узцы снова завел в промоину. В торбу насыпал корм. Сидел перед промоиной пока не стемнело. Тарлан начал оживать.

Братья, сколько карабайиров, сколько чубарых коней ушли со ржанием, оглядываясь назад. Сколько гнедых и буланых превратились в мясо.

Теперь в кишлаке не слышно ржання лошадей. По утрам перестали на улицах цокать копыта коней. По вечерам не сотрясалась земля под их копытами. В степях, перестали бегать о веселым топотом табуны коней за своими жожаками.

Наездники поникли, подобно парнишкам, у которых не вернулись с войны их молочные братья. Невест привозили уже не на лошадях, а в машинах. Мир был заполнен сигналом машин: бип! бип!

* * *

Наступило затишье. В кишлаке всё утихло. Тарлана привел домой. В кишлаке об улаке и не вспоминали. Многие искусные наездники, завязав в поясной платок деньги отправились в Обокли. Вернувшись верхом на конях они привезли с собой удивительную новость. Оказалось,

что забирали лошадей не из всех кишлаков. В окрестностях Обокли лошадей совсем не трогали.

Эти разговоры дошли до ушей пяти-шести кишлачных писак. Они наострили уши. Ходили по вечерам из дома в дом и собирали заявления. В один из вечеров заявились к нам. Главный султан заявителей Батыр-мираб предупредил таинственным голосом:

- Подоприте ворота изнутри. Погасите лампу во дворе. Детей к этому дому даже близко не подпускать. Дверь дома плотно закройте. Занавес на окнах отпустите. После садитесь напротив нас.

Выполнив всё, что сказал Батыр-мираб, я сел против него. Они попросили рассказать обо всём, что приключилось со мной. Не выдавая себя, прикинулся непонимающим. Похоже, лвди и без того сложили легенду о тех моих десяти днях. Я не мог показываться людям на глаза. И вот легенды стали забываться. И теперь мне не хотелось вспоминать про те дни.

- Батыр-ака, что было, то было, то стерлось из памяти. Оставьте вы эти жалобы.

- Э-э, думайте, прежде чем сказать. Кто жалобщик?

- Каюсь, больше не повторю, ака.

- То-то. Теперь рассказывайте. Начинайте с самого начала.

- Так... вот, как-то ночью явился ко мне в пять раз плешивее меня один плешивый. Рядом с ним двое...

- Послушай, что заботы людей тебе - игра в улак, что ли? Не называть: "плешивый". Товарищ такой-то, говорить.

- Хорошо... Когда луна повисла над макушкой тополя нашего соседа Кулмата-палвана...

- Уф-ф, ты случайно не поэт какой-нибудь? Нет? Тогда почему говоришь о луне, звездах? Спуститься вниз. Говорить с высот земли. Пусть лирика рассказывается воде. Наше дело имеет конкретное значение, оно народной важности. В судах принимал участие? Тогда, значит, слышал речь вашего покорного слуги на отчётном собрании колхоза? Рассказывать точно так, как выступал я!

Я знал наизусть речь Батыр-мираба на общем собрании колхоза. Точно так же, как мираб, сложил руки на животе. Голову приподнял. И, не моргнув, пересказал слово в слово. Это его удовлетворило. Мираб положил передо мной бумагу и ручку.

- Теперь написать так, как было сказано. Почему? Пять классов? Образование твоё на целый класс выше моего, и не умеешь писать? Ну, ладно. Товарищ Хамидов, лишите вы, а этот уважаемый человек подпишет.

Жалобщики побывали и в Денау, и в Термезе, и в Ташкенте. Бегали из учреждения в учреждение. Кого называют жалобщиками, оказывается довольно хорошие лвди. А ведь коней у них не отбирали. Их и никто не просил бегать, ездить и ни копейки никто не обещал. Бегают и бегают по учреждениям и всё за свой счёт.

А в одну из поездок и меня прихватили. Всё, что с тобой приключилось сам расскажешь, сказали. Спросил, куда едем, не ответили. Батыр-мираб приложил указательный палец к губам, сказал: тс...

Оставив отару напарнику, я последовал за ними. На автобусе приехали в Душанбе. В дороге меня два раза вырвало - я высунул голову из окна автобуса. Из Душанбе полетели в Москву. Первый раз в жизни летел на самолете. Вот самолет внезапно пошел на снижение. Мне показалось, что сердце ушло в пятки. Но взглянув в окошко, я поразился. Прямо под нами лежали горы хлопка. Самолёт вот-вот заденет. Сидевшему рядом учителю Хамидову сказал:

- эге-е, глядите, сколько хлопка. Он взглянул и рассмеялся. Взял мой трюх и плюхнул его на мою гладкую голову. Я втянул голову в плечи. Он шлепнул по трюху и надел его на мою голову. Как узнал потом - это не хлопок, а белоснежные облака.

Мы приземлились в Москве, я по/е^хал вслед за жалобщиками. Эге-е, сколько здесь машин!

И ни одного коня!

Жалобщики скрылись в одном большом учреждении. Я остался сидеть у входа возле вахтера. Снова и снова повторял про себя слова, которым научили меня жалобщики. Наконец-то появились они сами. Начальники оказывается не стали обо мне справляться. Поверили их словам. Очень хорошо. А-то я боялся, что растеряюсь перед начальниками и начну заикаться.

Назавтра вылетели в Душанбе. На этот раз держался посмелее. Пассажиры указательным пальцем подзывали девушку, бегавшую посередине самолета точно аист. Девушка подносила им в маленькой чашке воду.

А чем я хуже других? Головы моей под шапкой не видно. Я решил испытать себя. Шевеля указательным пальцем, подозвал девушку. Я показал себе на рот, мол, воды. Девушка кивнула и принесла воды. Одним глотком я покончил с водой. Как и другие мотнул головой, мол, живите долго. Выпятив грудь, я развалился в кресле. Посмотрел из окошка вниз. Мне показалось, что внизу наш Вахшиварсай. Вроде даже разглядел дома. Ходят какие-то черные точки. Захотелось спросить у учителя Хамидова, не наши ли это овцы? Но промолчал, боясь, что снова шлёпнет по голове.

Бухнув, мы приземлились в Душанбе. Взяли такси и поехали в кишлак. Мне захотелось похвастаться, рассказать, куда я ездил. По улице шел степенным шагом. Приветствовал встречных людей сердечно. Дойдя до конца улицы, повернул и снова пошел обратно. Приветствовал встречных, спрашивая о здоровье их близких. Даже о жите-бытье не забыл. Хотя бы один из них спросил, Зиёдулла-наездник, что-то вас было не видно!

Обидевшись на лвдей, вернулся домой. Полил чай, прилёт. Повернулся на правый бок - сон не идёт, повернулся на левый бок - опять сна нет. Вот, думаю сейчас и лопну! Сунул за пазуху горсть конфет, привезённых из Москвы, оседлал Тарлана и отправился к приятелю Мамату.

Заглянул через забор.

- Мамат! Невестушка, Мамат дома? Разбуди , есть разговор! Из дома , потирая заспанные глаза вышел Мамат. Чтобы услышали соседи, я громко заговорил:

*< Ну, как ты, жив-здоров? Как поживаешь? На, раздай внучатам моим вот эти конфеты, пусть полакомятся. Из других земель привёз, они священные.

- Откуда же, если спросим?

- Москва!!

- Колхоз "Москва", что ли?

- Колхоз? Какой ещё колхоз? Что ты вообще думаешь обо мне? Я не езжу по таким не стоящим местам. А если уж поехал, то в такой большой город как Москва, да! Только Москва! В крайнем случае, уж если проездом, то в Душанбе останавливаюсь. Слушай, в полдень над твоим домом не пролетал самолет? С пропеллерами на крыльях?

Мамат насторожился. Посмотрел разок на небо.

- Вроде пролетал, а что?

- Живи долго! Хочешь скажу тебе что-то? В этом самолёте я сидел!

- Быть этого не может!

- Сидел с правой стороны! Рядышком с пропеллерами, да!

- Ух-х и сучий сын, быть тебе Гагариным!

- Кем? Фи-и, да кто он такой твой Гагарин! Разок поднялся на небо и тут же обратно. Я летел больше того времени, за которое можно четыре раза плов сделать!

- Ну и ну, вот отродье нечистое, врёт и глазом не моргнёт!

- Сам видишь, человек я тебе не простой. Теперь, прежде чем заговорить со мной, подумай хорошенько!

- Всё, всё, возражений нет.

- Ещё одно слово. Самолёт оказывается не такой маленький, как бумажный змей. Внутри он - как Обширская промоина.

- Заходи домой, чай пить будем.

- Нет, есть срочное дело. Ехал мимо, дай, думаю, узнаю как поживаешь.

Я выпустил из рук поводья. Братья, душу свою я облегчил.

* * *

Братья, говорят из Москвы приехал человек. На голове у него шляпа. Он, собрав руководителей района, взял в оборот плешивого начальника. По действующему закону, правительство постановило сдавать мясо, исходя из возможностей каждого. Это распоряжение получили в нашем районе. Руководители района отправили плешивого начальника к нам уполномоченным. И последний, желая подняться на одну служебную ступень выше, решил воспользоваться мясозаготовками. И любым путем решил добиться сдачи мяса раньше срока с перевыполнением плана и тем самым заслужить благосклонность начальства и получить повышение. Вот и решил путём насилия запугать неграмотный люд. Вышестоящие начальники сильно ругали того плешивого и сняли с работы. Хотели было исключить из партии. Как плешивый начальник пустил слезу. Тогда начальники пожалели его, сказав, что слёзы мужчины равносильны его смерти.

Братья, верно говорили в старину:

Будешь держаться истины, - горя не узнаешь, Коль истина проклянёт тебя - нет тебе исцеления.

Рассказывали, что в чайхане плешивый начальник жаловался, что на свете нет правды. Чай в чайнике у него был оказывается белым. Будто сам наливал и пил. Людям на потеху, народу на посмешище.

* * *

Кишлак снова заполнился лошадьми. Наездники пустили коней на выпас. Я тоже поставил Тарлана на выстойку.

* * *

В Карлике играли свадьбу. На эту свадьбу мы и отправились. В дороге Тарлан разбрасывал кизяк. Я удивился. Такой выходки у него не было.

Остановились в доме одного учителя. Прибил колышек возле самого хлева. Уши у Тарлана обвисли. Он опустил голову и печально уставился на трещину в глинобитном заборе. От корма отказался. К сахару даже губами не притронулся. Душа моя заныла. Мне кусок в го]ало не шел. Сидя на корточках на заборе, не спускал глаз с Тарлана.

Мои друзья по стремени тоже потеряли покой. В Карлике жил старик - большой знаток лошадей. Позвали его.

Старик осмотрел коня, обойдя его кругом. Нагнувшись, по-смортел ему в глаза. Покачал головой. Взял меня за локоть, повел за собой в гостиную. Положил мне руку на плечо.

- Послушай меня, прославленный наездник, не продашь ли ты мне этого коня? Дам тебе двадцать овец. Говори своё мужское слово.

Во мне закипела злость. У меня такое горе, а он мне о своём.

- Дед, сначала скажите, что с ним случилось?

- Нет, сперва ответь ты, прославленный наездник. Потом скажу я.

- Нет! Не продам, если даже наступит светопреставление! Понятно?!

- Ну, ладно. Тогда слушай прославленный наездник. Конь у тебя редкий. Как увидел, сразу

понял. Если не ошибаюсь, недавно он перенёс тяжелое потрясение, так?

Вспомнил, как он десять дней голодал в Обширской промоине. Но старику ничего не сказал.

- Да, было дело, хворал. Потом выздоровел.

- Хвала тебе, прославленный наездник. Вспоминая об этом, конь сейчас думает о предстоящем состязании. Он думает, смоет ли из-за той болезни бегать как прежде или нет. Вот в какое горе погружен конь. Об этом я узнал по его глазам. Вспомнишь ещё мои слова, прославленный наездник.

Старик ушёл. Допоздна мы сидели за оживленным разговором. Но печаль Тарлана не давала мне покоя. Видать, печаль отразилась и на моём лице; хозяин дома утешил, мол, не переживайте так, старик - знаток по лошадям, он всё знает. А после рассказал, что это был за старик.

Оказывается, кони в году только раз жуют жвачку. Когда он жуёт жвачку - горит! Тело его накаляется так, что даже глаза слепит. С особенным блеском горят его глаза. Так ведь конь - это див! Когда конь жуёт жвачку - всё это происходит в необычном месте и в необычное время. За это время и моргнуть не успеешь. Человек, увидевший как конь жуёт жвачку, становится или безумным или несчастным. А счастливый или умный становится более счастливым или более мудрым. По слухам, старик оказывается видел, как конь жевал жвачку.

Улак проходил на пустыре, оставшемся без посева. Проскакал вокруг пустыря, разогрел Тарлана. Тарлан сразу переменялся. Голову держал прямо, играл и резвился. Громко грызя удила, рванулся в толпу. Звал меня на состязания.

Коней собралось много, потому что это было самое первое состязание в начале зимы. А значит и состязания будут интересными. Причина: когда на состязаниях мало коней, поднять с земли улак трудно. И все из-за того, что все кони, чувствуя себя сильнее других, сразу кидаются к улаку. Дерутся, мешая друг другу. Когда коней много, к улаку кидается сильнейший из сильнейших, всем коням конь. Кони послабее, превращаются в зрителей. Если же они кидаются к улаку, то сильные кони не дают им дороги, и отталкивают их назад. И потому на состязаниях, где много лошадей, вынести улак из круга бывает легче.

Улак привезли. Горяча коня, подъехал к улаку и дал понюхать его Тарлану. Ухватившись за ляжку, попробовал раз поднять улак. Веса в нем было около пятидесяти-шестидесяти килограммов. Мокрый насквозь. Видать, ночью тушу держали в воде. Выгода в том, что улак становится очень тяжелым. И когда его тянут в разные стороны, шкура не отходит. А то во время яростных схваток не остаться улаку целым!

Распорядитель объявил призыв:

- Одна пара калош и десять рублей деньгами! Хватай! Всадники ринулись к улаку. Чей-то рыжий конь вынес улак и умчался. Объявили следующую ставку:

На этот раз один баран, один халат и двадцать пять рублей деньгами! Награда увеличилась, не зевайте!

Я направил Тарлана к улаку. Он рванулся с фырканием! К улаку примчался легче и быстрее, чем я думал и хотел. Как обычно, сделав круг возле улака, остановился. Кто-то зло стегнул Тарлана по крупу. Он вздрогнул, но с места не сдвинулся. Глаза его были устремлены на тушу. Я, не вынимая ноги из стремени с обратной стороны от улака, зацепил её за луку седла, а ногу в стремени со стороны улака, согнул. Коленом поддал в бок Тарлану, и конь мой пробил мне дорогу через толпу! Нагнувшись, ухватился за улак одной рукой. Поднимая голову, выпрямил согнутую ногу и упёрся в стремя. Вся тяжесть пришлась на эту ногу. Без этого поднять с земли улак было нельзя. Но чей-то дерзкий конь наступил на тушу. Я снова, ухватившись за пах улака, поднял его на уровень колена коня. Тарлан, беспокойно поглядывая на тушу козла, устремился вперед. Я преднамеренно волочил тушу по земле. Подними я её сразу, налетели бы поджидавшие в сторонке другие наездники.

- Улак поднимается, улак поднимается!

Пробрались к месту, где было поменьше наездников. Я приготовился поднять тушу.

- Улак у Тарлана, улак у Тарлана!

Я с маху поднял улак. Когда его поднимал, Тарлан покачнулся. Мы мчались вперед. Позади осталось много коней. Только один гнедой не отставал. Его всадник, ухватившись за другую ляжку улака, мчался рядом.

- Нет, и гнедой присоединился! Улак у Тарлана и гнедого! Я прижал улак коленом. Посмотрел по сторонам. Выпустил из рук поводья. Обеими руками схватился за улак. Мы по-прежнему мчались рядом.

Многие лошади, сначала скачут медленно, а лотом убыстряют бег. Наш же Тарлан резко берёт с места и сразу мчится во весь опор. Другие кони к такому порыву бывают не подготовленными. В результате пока они поймут, Тарлан уже оторвался от погони. Вышло так и на этот раз. Ещё одно преимущество Тарлана, - если его догонит какой-нибудь конь, - скачет с этим конем вровень. Не вырывается вперед. Будто на большее он не способен, скачет ровно. Рядом скачущий конь приноравливается к его равномерному бегу. И тут, Тарлан делает рывок и отрывается от соперника. Рядом скачущий конь, не подозревавший этого, остаётся позади.

Вот помчались именно в такой момент, когда Тарлану от меня довольно одного слова:

- Вперед!

Он показал себя настоящим Тарланом. Неожиданно рванулся и ускорил бег. Рука наездника на гнедом, скакавшем рядом, оторвалась от улака. Гнедой остался позади. Тарлан не сбавлял своего хода. Я взволнованно понукал:

- Ха-ху, ха-ху, хэй!

- Че-естно, Тарлан проделал чисто! Бросай, Тарлан, бросай! Как это я смог поднять с земли пятидесяти-шестидесятикилограммовую тушу? Даже устроившись на глинобитной стене высотой в сажень, я бы не смог поднять с земли такую тяжесть. Обычно, ухватившись за шестидесятикилограммовый мешок обеими руками, с огромным трудом взваливаю его на осла. А на состязаниях, нагнувшись с лошади, одной рукой подхватываю тушу в шестьдесят килограммов! В чём же секрет?

Братья, дело в том, что у коня есть ветер! Этот-то ветер и мчит улак. Вы наверное обратили внимание, что мой конь не отрывал глаз от улака и пробил мне дорогу через группу других лошадей? Этим он создал для меня благоприятные условия. А когда я поднимал улак, он покачнулся, как человек, пытающийся получше пристроить на своих плечах груз. И тут надо, придерживая тушу, помочь коню.

Понимаете теперь, что восемьдесят-девяносто процентов трудностей состязаний приходится на коня. Потому*то на скачках и называют не имя наездника, а масть коня. От начала до конца скачек кличка или масть коня звучит почтительно.

Как же Тарлан поскакал с пятидесятью-шестидесятышисилограм-мовой тушей, да, ещё вдобавок в седле со мной? Предположим, нагрзу коня мешком пшеницы в шестьдесят килограммов и оседлаю, разве он помчится с таким порывом? Нет, не поскачет! А когда дело касается улака - он подобен вихрю.

Братья, на скачках царит свой особый дух! Вот он-то и даёт коню силу, даёт ему крылья!

Тарлан проявил рвение. Я ещё целых два раза угонял улак.

Кто-то из столпившихся зрителей окликнул: "Тарлан, подойдите-ка сюда". Подошел, а это вчерашний старик сидит на глинобитном заборе. Старик, прикрываясь ладонью от солнца как козырьком, улыбнулся.

- Как вы теперь, прославленный наездник?

- Спасибо, спасибо.

- Теперь послушайте меня, прославленный наездник, дайтека вы коню отдохнуть. А то ещё сглазят.

Честно заработанный Тарланом халат и деньги я протянул старику, но он отказался взять. Бросив приз возле старика, я направился туда, где лежала конская сбруя.

* * *

Братья, наш сосед Кулмат-палван вернулся с базара. Проходя вдоль его глинобитного забора я расспросил о базарных ценах. На Денаусском базаре кишмиш стоит десять рублей. А в Регарде, оказывается ещё дороже. Если у вас есть кишмиш везите скорей, а то будете потом жалеть, - сказал. Всё дело в том, что кишмиш-то у нас есть! Шесть мешков. Желтый, как самый солнечный день лета. Есть у меня сыновья - крепкие, здоровые! Каждый говорит: вот, вырасту и буду скакать на таком же коне, как Тарлан! Кишмиш на их свадьбу собираю. Этой зимой у меня силёнок, не хватит, а вот в следующую зиму - закачу большую свадьбу. Если суждено!

В субботний вечер выволок из амбара мешок с кишмишом. Рассыпал на ковре, расстеленном на супе. Просеял через решето, очистил от пыли.

Когда начало светать, я на Тарлане отправился на базар. Переправились через речку Кизилсу и стали подниматься. Возле скотного базара есть участок, огороженный проволокой. Приехавшие на базар привязывают здесь своих лошадей и ослов. Здесь и я привязал Тарлана. Взяв мешок на плечи, пошел на базар. Согнувшись в три погибели, шел покрикивая: дорогу, дорогу. В нос ударил запах манты. Сел в один ряд с другими продавцами, развязал мешок и стал нахваливать свой кишмиш. Меньше десяти рублей не сбавлял.

Гляжу, дроку от моей торговли никакой. А, ну его, и сбавил цену до семи рублей. Примчался какой-то перекупщик и купил товар оптом.

Страхнул мешок о колено. Сложив вчетверо сунул подмышку. Прошелся по базару, сделал покупки. Купил гостинцев, лакомства. Беременной жене давно хотелось плодов лоха - купил хорезмского лоха, сыновьям леденцовых петушков, конфет с нарисованной на обертке собакой и сушки. Всё сложил в мешок и перекинул через плечо. Пошел в чайхану. Переступил было порог, просунул голову внутрь - и чуть не задохнулся. Чайхана битком набита. Душно. И на деревянных подмостках снаружи полно народу. Если пересчитать, человек сто наберётся. Прислонил мешок к столбу помоста. Поискал свободное место. Взял пустой чайник который оставил посетитель, занял его место. Попросил соседа сказать, что место занято. Принёс чай, лепешку. Прошёл на другую сторону улицы, к рыбной. Усатый человек в большом котле жарил рыбу. Стал в очередь, купил кило рыбы. Сел, скрестив и поджав под себя ноги, и принялся за еду. В рыбе оказалось много мелких костей, я разозлился. Обернулся, а за моей спиной сидят два милиционера, пьют чай. Не те ли самые милиционеры, с опаской вспомнил я, и внимательно посмотрел. Нет, другие. Тут раздался голос: держи вора, держи! Из плотной толпы в воротах базара выскочил парнишка. Его нагонял человек в полосатом халате. Парень бросился через улицу. А сверху, навстречу ему, во весь дух мчалась красная машина. Машина с визгом затормозила. Парнишка кинулся в противоположную сторону. Шлёпнулся в арык с темной водой. Весь вымазался в грязи. Гнавшийся за ним мужчина обежал машину. Сзади обеими руками схватил парня за вымазанный воротник. Тот пытался вырваться из лап мужчины в халате, но не смог. В халате сбил мальчика на землю, ударив по ногам.

- Отдавай деньги! Где деньги!

- Это не я.

- Ты! Ведь твою руку поймал я в своем кармане! Отдай по-хорошему, а то покажу тебе твою мать из самого Учкурмана!

- Ведь говорю, не я!

- Тогда сам найду. Вынь руки! Вот этот карман покажи!

Подошли многие из чайханы и глазели на них! Остановливались и прохожие. Зевак собралось видимо-невидимо. Я смотрел, встав на помост. Мужчина в полосатом халате шарил в карманах мальчика. Сунув руку ему подмышку, вытащил пачку денег. Ткнул ими в лицо парню.

- А это что, калым, полученный за твою мать?

Парень втянул голову в плечи, грязными ладонями закрыл лицо. Мужчина с размаху ударил его во виску. Парнишка снова плюхнулся в грязную воду. Мужчина в полосатом халате, вцепившись обеими руками за ворот мальчика, повёл за собой по течению арыка.

- Я тебе покажу как шарить по карманам! А ну, идем в милицию!

Парнишка упёрся ногами, откинулся назад.

Тут из толпы вырвались два рослых парня. У обоих волосы до плеч. Одежда, словно прилипла к их телу. Подошва на ботинках толстенная, как копыта у коня. Они подошли к человеку в полосатом халате. Один из них схватил его за локоть. Он выпустил из рук парня и обернулся. И тут же получил точный рассчитанный удар по лицу от второго детины. Мужчина в халате оказался человеком крепким. Не упал, только пошатнулся. Теперь удар нанес первый.

Толпа подбадривала дерущихся;

- Ну, бей по морде!

- Бей, на кой чёрт вежливое обхождение, когда есть кулаки! Мужчина в халате с размаху ударил одного из них. Парень

грохнулся на землю. Второй подошел к мужчине сзади и пнул в бок. Он согнулся, схватившись за бок. Толпа одобряла:

- Бей, по голове ударь, по голове!

В этот миг маленькая черная собачонка с визгом вцепилась в ляжку парня, который бил. Парень схватился за ногу. Вслед за собакой появился торговец рыбой. Ругая . , прогнал собачонку.

Тот , что грохнулся на землю, вдруг вскочил, и ударил мужчину в халате ногой в живот. Пнул и тот, другой парень, измазанный грязью. Мужчина в халате, сморщился и, хватаясь то за живот, то за бок, опустился на колени.

Я расстроился и обратился к сидевшим позади милиционерам:

- Идите же скорее, ведь убьют его сейчас! Один из них спокойно махнул рукой:

- Это нас не касается. Этот участок относится к другим милиционерам. Мой - в стороне винзавода.

Толпа подвела итог:

- Конец, нокаут!

Нет, на этом не закончилось. Мужчина в халате, сидевший на корточках, вдруг вскочил. Ударил головой в лицо того, что пнул его в бок. Парень закрыл лицо руками, и нагнулся. Сквозь его пальцы просачивалась кровь. Тогда второй парень взяв в ладонь что-то черное, ударил по лбу мужчину в халате. "Ох, умираю!" - дростонал тот. Со лба у него текла кровь, глаза закрылись, он попятился назад. Когда, казалось вот-вот упадёт, один из парней, подскочив, пнул его в грудь, будто бил по мячу. Человек в полосатом халате отлетел в сторону, раскинув руки, и остался на земле недвижим. Те двое начали бить его ногами. Подошел и тот, кто получил в лицо, и все они втроём, без разбора, стали ногами избивать лежавшего на земле мужчину в полосатом халате.

Я обернулся назад, а милиционеров и след простыл. Огляделся вокруг. А те двое, потихоньку уходят мимо чайханы.

У меня внутри всё защемило. Я сорвался с помоста, растолкав толпу протиснулся на

середины. Схватив одного из парней за плечи, отшвырнул его прочь! Другому вцепился в волосы и оттащил в сторону.

- У-у, совесть потеряли, набросились на одного, слабого! Ведь убьёте!

Тот, которому я вцепился в волосы, пнул меня в пах. Я опешил и локтем двинул его по морде. Тут засигналила машина. Зеваки, стоявшие возле арыка, посторонились, дали дорогу. Это оказалась машина "скорой помощи". Сидевший внутри человек в белом халате поверх своих очков посмотрел на лежащего в крови мужчину в халате.

- Что с ним случилось?

Мне было так обидно, что я заплакал.

- Разве не видите этого беднягу! Они втроём, а этот бедняга один!

- Понятно. Пусть пьёт поменьше на радостях, мол, наступило воскресенье!

- Братец, заберите его скорее, умрёт ведь.

- Мы едем по вызову, есть заказ. Вызовите другую машину.

- Трогай, поехали!

Не в силах сдерживать слез, я заплакал, прикрываясь рукавами халата, плакал, уткнувшись в ворот своей одежды. Обратился к толпе.

- Эх, братья, разве хорошо, если бедный человек так и помрёт? Дома у него наверняка и дети, и семья есть!

Кто-то подал голос:

- Видать, ваш знакомый, увозите поскорее.

Я взмолился перед хозяином маленькой частной машины, что стояла на улице. Согласился. С трудом дотащил до машины мужчину в полосатом халате. Сам сел спереди. Какой-то парень поспешно подошел к машине. Я высунулся из окошка, в надежде, не сын ли этого человека. Тот спросил у окружающих:

- Что здесь произошло?

- Замечательное представление было! Трое одному такого задали! Трах-тарарах! Нокаут!

Повезли человека в халате в милицию. Там расспросили, кто я и откуда, записали. Спросили о происшествии. Всё рассказал точь-в-точь как было. Милиционеры дали мне подписать какую-то бумагу. Вместе повезли к так называемому эксперту. Они долго проверяли. Сфотографировали. Отвезли в больницу. Водителю машины дал три рубля. Не взял. Я ему сказал спасибо. Если понадобится, сказали милиционеры, разыщем вас через вашего участкового. Все разошлись по своим делам.

Вернулся в чайхану, а мешка моего нет. Спросил у чайханщика, Не видал, говорит. Он спросил о состоянии мужчины в полосатом халате. Я сказал: отвезли, поместили.

Снова пошел на базар, купил гостинцев. Связав всё это в поясной платок, пошел к Тарлану. Подвесил узел на луку седла. Отдал рубль старику, сидящему возле ворот базара, и отправился домой.

Мне показалось, я свалился с луны и только узнал жизнь.

* * *

О господи, случаются, оказывается и такие дни! Все наши шаги, сделанные вперед - своим ходом идут назад. Все задуманное совершается наоборот. Те, кого мы называем удачливыми, с нами и не здороваются. Даже позволяем выхватить изо рта последний кусок.

Братья,

Если суждено, то счастье улыбнется из дальних стран, Если не суждено, то счастье покинет вас совсем.

Так и произошло на скачках, устроенных Хуррамом, сборщиком налогов. В середину круга

я не смог протиснуться, а когда ворвался - так не смог поднять улак с земли. А если поднимал, то вырывали Уулак из рук выпадал. Даже, находившуюся под коленом тушу прозевал.

Братья, и богатство и труд - близнецы!

Братья, хорошо уменье, но важнее везенье. И не трудна задача, коли есть удача!

Тарлан мне удивлялся, я - Тарлану. Так сделал не выходит, этак сделал не получается. Даже хотел уехать под предлогом, мол, туша воняет*' Но доверился шайтану. Стегая плеткой Харлана, погнав его к сгрудившимся верховым игрокам. Лошадей полным-полно. Подбрось шапку к небу на землю не упадёт. Растолкав грудь, пробрался к улаку. Всяким способом старался достать улак. Рука не могла дотянуться. Да и кони не давали схватить тушу. Сквозь густую пыль еле видел, как чья-то рука схватила улак. Тут Тарлан правой ногой наступил на улак. Он сделал это не нечаянно.

Видел, знал, что делает. Не захотел отдавать улак. Я понял, что надоело Тарлану впустую топтаться вокруг улака. Он жаждал состязаний!

Я закурил рукоятку плетки. Шлёпнул Тарлана по крупу. Тарлан, мотая головой, отвел от себя головы окружавших его коней. Создал себе раздолье. После чего согнул передние ноги. Опустился на передние ноги перед улаком. Из-за пыли я с трудом открыл глаза, ухватился обеими руками за улак, лежавший перед Тарланом. Увидев, что я схватил тушу, Тарлан вскочил. И пошел не вперед, где поджидало несметное количество лошадей, а попятился назад. Пятясь, выбрался из кучи. А когда оказались на свободе, он оправился и повернул вперед. Помчался вихрем. Увидевшие - увидели, не увидевшие г остались с сожалением!

Тарлан подошел к краю темной ямы. Я разжав колено выпустил тушу. Но голос распорядителя почему-то не раздавался. Я был удивлен. Вернувшись с досадой ударил себя по колену: улак лежал на краю ямы, а не в глубине!

От злости захотелось обидеться. Чтоб слышали все, а в особенности распорядитель, я крикнул:

- Мы уезжаем! Разве, когда мы получали награду по справедливости? А теперь тем более!..

- И пустился в путь, с силой стегнув Тарлана. Поехали, Тарлан, такие сироты как мы, людей не интересуют! Поехали, Тарлан, поехали, у нас голова плешивая! Нам, плешивым, награда не положена !

Оглянулся назад. Надеюсь, что друзья-односельчане вернут нас с дороги. Замедлил ход Тарлана. Снова обернулся. Ни единая душа за нами не поскакала. Проехал мимо людей, цепочкой сидевших на глинобитном заборе. Надеюсь, может, кто-нибудь из них допросит вернуться обратно. Проехал мимо стольких людей, и хоть кто-нибудь бы словом обмолвился! Даже не спросили, куда путь держите! Тоже мне, а ещё людьми называются! Да, ну их!

Теперь я обиделся и на зрителей. Ну и сидите здесь как слепые, а я пойду домой и с удовольствием растянусь на достели,-сказал про себя.

Поехал по улице, которая вела в кишлак. Остановился возле арыка, который пересекает улицу. Тарлан потянулся к воде. Не дал ему попить. Привязал к концу палки, торчавшей из-под крыши дома Шакиркула. Отряхнул одежду от пыли. Вымыл лицо. Попил воды, зачерпывая ладонями. Со вздохом уставился на арык.

На глаза попался мальчуган, он сидел у арыка, макал лепешку в воду и ел. Пригляделся, а штанишки у него мокрые.

- Чей ты сынок?

- Моего отца.

- А кто твой отец?

- Шакиркул.

- Да-а, а тебя как зовут? Карим? Молодец! У тебя же штанишки мокрые, что же не сменишь?

- Мама на свадьбе.

- Вон как, а сам значит не умеешь переодеваться. А если нас спросишь, мы со скачек едем. На состязаниях не осталось справедливости, внучек. Всё делают только своим друзьям-приятелям.

- А скачки закончились?

- Нет, ещё идут.

- Ну тогда езжайте туда.

Я насторожился. С вниманием посмотрел на мальчугана.

- Вы, что-то сказали Каримбай?

- Вы ведь попили воды.

- Да, внучек, попил. Что же теперь прикажете делать, Карим-бай?

- Езжайте на скачки.

- Я решил было не возвращаться, Каримбай. Нет для нашего брата справедливости.

- Если не поедете, скачки кончатся.

- Ну, так и быть, уговорили, Каримбай. Раз ехать, так ехать, будь по-вашему.

Отвязал Тарлана, оседлал.

- Каримбай, я возвращаюсь, не смог отказать вашей просьбе. А то бы не вернулся.

На обратном пути я всё ещё злился на зрителей. Сердито взглянул на них, сказал про себя: - И вы ещё называете себя лкщьми, вон, Каримбай оказался настоящим человеком,.

Стоял в сторонке от сгрудившихся всадников. Распорядитель посмотрел на меня с удивлением. Понял, распорядитель про себя торжествует, мол, что, как побитая собака ушел, так и вернулся. Знаю, и другие так думают про себя. Что бы мне сказать? Сказать, что Каримбай вернул, а вдруг спросят, какой Каримбай? Что, скажу им, что вернул в мокрых штанах сын Шакиркула? Э, не-ет! Ведь никто не спрашивает, А если и спросят, скажу вернул учитель Карим.

Во всеуслышанье сказал наезднику Самаду, другу-односельчанину :

- По дороге Каримбай схватил поводья. Не мог успокоиться, всё говорил, вернитесь, да вернитесь. В глазах у него была такая просьба, что не смог ему отказать.

* * *

Отара рассыралась ло горням склонам. Пока я её собрал, стемнело. Домой вернулся в сумерках. Оказалось, что наш участковый рсзвйвил какой-то клочок бумаги. Мол, пусть завтра в десять часов будет в милиции. Пришел в дом напарника и извинился. Попросил завтра попасть овец одному, вышло неотложное дело, в другой день отработаю , - сказал я.

Спозаранку с Тарланом вдвоем отправились в город. Привязал Тарлана у входа в милицию, вошел в комнату. Вытащил из-за пазухи бумагу, показал милиционеру, сидевшему у двери. Он провел меня в комнату с обитой кожей дверью. Сидевший в глубине молодой человек встал и приветливо пригласил меня. Поздоровался со мной и представился: капитан Рузиев. Милиционер, который привел меня сюда, вышел. Капитан-начальник концом своей ручки указал мне на стул. Я сел. Капитан-начальник порылся в бумагах.

- Так-так, фамилия ваша Курбанов, да? Почему опаздываете, браток? Ведь время уже двенадцать?

- Если сказать по правде, капитан-начальник, я следовал шагу Тарлана.

- Так-так, кто это ваш Тарлан?

- Так это наш конь, капитан-начальник.

- Так-так, так вы ещё на коне приехали? Когда столько техники вокруг?

- А то как же. Техника нам не подходит, капитан-начальник. Я не переносу запаха бензина.

- Так-так, ака, бандитов ищем. Устроили очную ставку пострадавшего и подозрительных лиц. Сказал, это не те. А вы не пришли. Теперь вызовем в другой раз.

Вернувшись с Тарланом в кишлак. Вечером, когда смотрел телевизор, пришел Рихсиев. Растянулся, подмяв под локоть до-душку.

- Ага товарищ Курбанов? Слушали мой доклад, который я читал по радиоузлу?

- Нет, когда читали?

- Ага, в&t тебе и раз, ведь только что читал. Двадцать минут и сорок секунд!

- Я засмотрелся на телевизор. По поводу чего читали?

- На тему о международных событиях.

- Да, и какие же новости в мире?

- Ага, международные дела никудышные, товарищ Курбанов, совсем никудышные. Положение всё ообстряется и обостряется. Страны НАТО размещают в Западной Европе крылатые ракеты. В Сальвадоре идут кровавые сражения, обстановка в Никарагуа усложняется. Туго приходится народу Палестины. И всему виной империалисты США, товарищ Курбанов. Империализм занимается провокациями. Например, империалисты США организовали в Польше провокационно-диверсионные группы. Отравили народы идеологически, ага. Решили с корнем уничтожить в Польше социалистическое общество. Но злодейские планы империалистов были раскрыты. ПОРП защитил социализм...

Ни единого слова из его рассказа я не понял. Сам смотрел телевизор, а ему утвердительно кивал головой: да, да...

Через два дня участковый снова принес бумагу. Опять с Тарланом ранним утром отправились в путь. На этот раз спешили, прибыли во время. Капитан начальник четырех подростков возил в больницу, устроил им очную ставку с мужчиной в полосатом халате. Потом устроил очную ставку со мной. Не эти, сказал я отрицательно мотая головой. У тех волосы были длинные-длинные, сказал. Капитан начальник засмеялся.

- Так-так, а не припомните ака, на лице у них не было ли следов ран?

- А то как же. След не то слово, настоящая рана на лице была, капитан начальник.

- Так-так, какая рана?

- У обоих с лица текла кровь. Ведь мужчина в полосатом халате сделал им приём по головам.

- Так-так, что ж пораньше не сказали об этом, ака. Это совсем другое дело.

- Потом, у самого младшего одежда была в грязи, капитан-начальник.

Капитан-начальник начал быстро писать: мотнув головой, засмеялся. Отчего засмеялся - так я и не понял.

- Так, так, скажите-ка ака, знаком ли вам хотя бы один из тех ладей, кто видел этот случай?

- Если сказать вам, капитан начальник, пусть преувеличу, но там было больше ста человек. Как мне было узнать кого-нибудь из них? Там было даже два милиционера.

- Кто, кто? Два милиционера? Так, так?

- А то как же, капитан-начальник. Они сидели прямо за моей спиной и лили чай.

- Так, так, они тоже всё видели?

- А то как же. От начала до конца видели, капитан-начальник!

- Так, так!

Капитан-начальник вытащил из железного сундука одну большую толстую бумагу и развернул её. На бумаге оказывается наклеено видимо-невидимо фотографий.

- Посмотритвка ака, среди этих есть ли те, которых вы видели.

Смотрел на фотографии, водя по ним пальцем. Под конец узнал одного из них. Ткнул пальцем в его лоб.

- Вот он, тот самый!

Капитан-начальник посмотрел наклонившись и покачал головой, Сложив фотографии, засунул в сундук, Вышел и снова вернулся.

- Так, так, вы, ака, побудьте вон в той комнате. Сам позову.

Я вошел в соседнюю комнату и сел. Комната оказалась без двери. Капитан начальник опустил бархатную занавеску. Кто-то сказал: - Можно? Капитан начальник стал спрашивать.

- Так, так, где вы находились двадцать четвертого января, в воскресенье часов в двенадцать?

- Какой январь, январь этого года? На участке был.

- Так, так, скажите поконкретнее.

- Я наблюдал вокруг винзавода.

- Так, так, значит на заводе?

- Да, на заводе.

- Так, так, а вы ничего не знаете о происшествии в этот день у чайханы?

- Что за происшествие?

- Там была драка.

- Убейте меня, ничего не знаю.

- Так, так, подойдите сюда, ака.

Я вышел к ним. Стоящий передо мной парень точно оказался одним из тех милиционеров, которые пили чай за моей спиной.

Увидел он меня и побледнел.

Капитан начальник показал ему на меня.

- Так, так, этого человека вы когда-нибудь видели? Он на меня посмотрел пристально и пожал плечами.

- Не припомню.

Я чуть было не рассмеялся. В надежде, что он припомнит, рассказал о чайхане.

Глядя в потолок, он долго вспоминал, вдруг приставил указательный палец ко лбу.

- Ну да, всё, всё! Теперь вспомнил. Мимо того места я проходил к своему участку. На улице там ещё собрались ляди. Я и подумал, вероятно что-нибудь продают.

- Ну и ну, ну и ну. Так ведь мы ещё разговаривали, братец. Я ещё вам...

- Это со мной? Быть этого не может! Клевета! У вас ведь уже борода, думайте, прежде чем говорить. Вы меня с другим человеком перепутали.

Капитан начальник посмотрел на меня.

- Видите, говорит, что там не был? От удивления я схватился за ворот.

- О, аллах!

_ Та-а-ак, вы свободны Кадыров. Может ещё кого вспомните, ака?

—А то как же. И чайханщик всё видел.

- Чайханщик? А ещё?

- Ещё, и продавец жареной рыбы видел.

- Та-ак, продавец жареной рыбы. На сегодня всё ака, об остальном поговорим в другой раз.

Когда прислали бумагу в следующий раз, я не поехал. Причина - умерла бабушка Доно. Пошел на похороны. Старуху одели в саван, поплакали, похоронили.

Лежал я дома в мрачном настроении, как словно с неба на голову мне свалился Рихсиев. Сказал жене, чтобы чай подала.

- Ага, что это вы не в духе, товарищ Курбанов?

- Отнесли Доно-момо.

- Куда вы её отнесли?

Тут я понял, что он не был на кладбище.

- Я говорю, что умерла Доно-момо.

- Ага, значит похоронили говорите. А вы сказали "отнесли", вот я и решил, что какую-нибудь вещь отнесли.

Отвернувшись, я закрыл глаза. Не смог сдержаться. Снова повернулся. Впервые решился дать совет Рихсиеву, как мудрец:

- Рихсиев-ака, вы человек образованный, знаете обо всех новостях в мире. Не мне вас учить. Никогда не отставайте от народа, ака. В частности, будьте вместе со своим народом в двух случаях. Первое - на свадьбе. Засучив рукава, подобрав полы, послужите людям, чтобы свадьба прошла весело, радостно. Свадьба - для всех, да. И другое - будьте с народом во время траура. Плача и горя разделяйте горе людей. Горе от смерти один человек не может перенести. Не под силу одному. Вот тут будьте возле него и разделите с ним печаль. Вот в этих двух случаях человек и проявляет свою суть.

- Ага, я такой старухи не знаю, кто она? На каких должностях работала?

- Человек, как и мы. Бедная старушка. Всю жизнь работала в колхозе. Под старость сторожем работала в магазине. Бедняжка Момо, не было у ней ни дочери, ни сына. Некому было о ней поплакать. Сами мы поплакали, называя тетушкой и бабушкой нашей, и похоронили. Народ похоронил.

- Ага, что-то слышал я краем уха. Я шел в школу на урок, кто-то сказал, будто кто-то умер. Не обратил внимания.

- Вот, вот, всё дело в этом. И до этой-то причине на похоронах лвдей было мало. С кладбища вернулся я расстроенный. Неужто теперь такова цена человеку стала, спросил я себя. Рис-хив-ака, наступит день, когда и мы с вами уйдём. Смерть ждёт каждого из нас. И если в такой день мы не пригодимся друг другу, зачем тогда мы живём'?.

- Разве обязательно идти всем, товарищ Курбанов? Да, хватит и четырех человек из родственников. Подниму!¹ носилки с четырех сторон и пойдут. Больше четырех человек не надо. Ага, впрочем, пусть будет шесть человек. Двое будут могилу рыть.

- Рисхив- ака, человек не собака, чтобы, волоча за ногу, выбросить в яму. Человек на то и зовется человеком. Разве есть существо величественнее, чем человек?

- Да уж ладно, какая-то старушка там. Всего-навсего сторожика! Если б была личностью, имевшей большое международное значение или по крайней мере местное значение, чтобы мы стояли в почетном карауле, повязав на руку черную повязку, носили бы траур, речь смогли бы произнести, ага.

- Рисхив-ака, больших или маленьких людей не бывает. Все -люди. Хороший ли человек, плохой ли - проживает одну жизнь. Он жил так, как мог, делал то, что было в его силах , и считал себя человеком. Он встречался с нами лицом к лицу, плечом к плечу, жил с нами в одно и тоже время. Когда человек уходит, безвозвратно, тот, кто не проводит его, разве может считаться человеком?

- Смерть старушек, товарищ Курбанов, местное дело. Не имеющее значения. Вон сколько трагедий разыгрывается на международной арене... Ага, иранский шах Пехлеви, оказывается, дал тайный приказ и сожгли кинотеатр. В нём было пятьсот человек. Ага, вот что называют трагедией. Ужас! Я выражаю иранскому народу глубокое соболезнование. Я встревожен международным положением, товарищ Курбанов. Очень озадачен! Международная обстановка с каждым днём всё сильнее и сильнее обостряется...

На следующий день утром, пришел к нам участковый. Ни здравствуй, ни другого слова не сказал, стал у порога, заложил руки за спину и начал угрожать:

- Что, советские органы игрушка вам, что ли?

- А что мы сделали?
- Почему не явились в назначенное время? Я взорвался:
- Не захотел пойти. И всё! Ходил с женой в кино! Понятно!
- Садитесь в машину!

Я удивился. Выглянул через глинобитный забор на улицу, а возле наших ворот милицейская машина. Мне стало не по себе.

- Э, друг участковый, так не годится, поскорее убери свою машину!
- Что, на своих плечах, что ли, держите её?
- Братец, пусть никогда к порогу дома человека не подъезжает ни машина скорой помощи, ни милицейская. Уезжай скорее, чтобы никто не увидел!
- Хватит вам, хватит, нечего философствовать.
- Вот я, можешь застрелить, но в милицейскую машину не сяду! Уж если такая необходимость, поеду на автобусе.
- Тогда, чтобы живо вслед за мной приехали.

Они уехали. Я с беспокойством выглянул через забор на улицу, опасаясь, не увидел ли кто милицейскую машину. Слава богу - на улице ладей не было.

Отправился в город в автобусе. В дороге затошнило. Пришел в милицию, открыл обитую кожей дверь. Капитану начальнику рассказал о старушке Доно: он покачал головой, выразил соболезнование.

В комнату вошел милиционер. Подошел к капитану начальнику.

- Некоторые, товарищ капитан указывают на Мумина - того, что с улицы Коммунизма.
- Так, так, где же этот парнишка?
- Его не видно. Осторожно расспросил у соседей. Говорят, лежит дома, смазывая разбитое лицо мазями.
- Так, так, пока следите в оба, чтобы не пронюхал. Приведёте, когда скажу. А сейчас отправляйтесь и приведите чайханщика и продавца жареной рыбы, что возле базара.

Прошло некоторое время, милиционер вернулся.

- Привел, товарищ капитан, пусть войдут?
- Введите.

На пороге появились чайханщик и продавец жареной рыбы. Чайханщик согнулся и поздоровался. Капитан начальник, указывая кончиком карандаша на чайханщика, сказал:

- Сначала войдите вы. А вы посидите в коридоре.

Чайханщик решил за руку поздороваться с капитаном начальником. Прижал руки к груди и засеменял по ковру. Капитан начальник, не поднимая головы, кончиком карандаша указал чайханщику на стул. Чайханщик в замешательстве чуть было не схватился обеими руками за карандаш. Отдернув руки, сел туда, куда указывал карандаш. Оказался напротив меня. Поздоровался со мной кивком головы. Капитан начальник осмотрел кипу бумаг то с одной стороны, то с другой. Обернулся лицом к чайханщику. Записал его имя, фамилию.

- Так, так, а теперь расскажите о драке, которая произошла в зашей чайхане, Саттаров-ака.
- Какая драка?
- О драке, произошедшей двадцать четвертого января.
- Какая драка? Не сон ли это? А, да-а, вспомнил, вспомнил! Эта история произошла не в нашей чайхане, а на улице, капитан - ука.^x

- В общем, возле вашей чайханы.

- Сами понимаете, капитан-ука, в базарный день народу много бывает. Я бываю очень занят. Даже уши не слышат.

- Так-так, но ведь наверняка отличаете разницу между простым гулом в чайхане от шума

драки?

- Не различаю, капитан-ука, не различаю. Всё дело в этом. Вот в этих ушах всё гудит и гудит. Кто говорит, о чём говорит, я не различаю. Хоть верьте, хоть не верьте. Вот, считая на этих пальцах, скажу вам: среди голосов есть и старческие - раз! И молодых - два! Есть и старушечьи - три! Есть и девичьи - четыре! Есть голоса и младенцев - пять! Та-ак, пять уже? Теперь посчитаем и другие. Кроме этих есть и шум проезжающих по улице "Жигулей" - раз! Есть и мычание коров, возвращающихся с базара - два...

- Хватит, хватит. Вы мне расскажите о том, что видели.

- Ничего себе, капитан-ука, как я мог увидеть, если я ничего не слышал?

- Вон, глаза-то у вас видят.

- Правильно, глаза есть. Всевышний не обделил и нас, сами видите. Только знаете, капитан-ука, если вам довелось выпить хотя бы пиалку чая в нашей чайхане, наверно, заметили, что х"ука"-""братишка - младший брат) самовар стоит в самой глубине чайханы, да! Есть маленькое окошечко, как в ларьках. Во-от такусенькое! Вот через это окошечко, я и передаю чай. Окошечко наравне с моей грудью. Если даже, вот так согнусь и посмотрю, улицы мне не видно. Аж поясница заболела, постоянно нагибаюсь, капитан-ука.

- Так-так, но, может, вы хоть что-нибудь знаете об этой драке?

- Знаю, капитан-ука. Один раз нагнулся и увидел столпившихся на улице. И больше ничего не видел.

- Так-так, ладно, идите. Если понадобится снова вызовем. Попутчику своему скажите, пусть войдёт.

Прижимая руки к груди, чайханщик кивнул головой капитану начальнику. И будто за ним кто-то гнался, быстро засеменил к двери.

Вошел продавец жареной рыбы. Капитан начальник записал и его имя, фамилию. Потому, как он надменно расселся, и вопрошающе, мол, слушаем, нахмурил брови на капитана начальника, было видно, что человек он бывалый. Я понадеялся на этого человека.

- Так, так, теперь послушаем вас, Шукуров-ака? Продавец жареной рыбы никак не отреагировал. Даже не моргнул.

- Что вы хотите услышать? Так, так...

- Слышал, участковый говорил. Но я ничего не видел. Всё! Могу даже написать. Всё! Можно мне идти? Там меня ждёт работа. Всё!

- Не спешите, разговор только начался. Наверняка вы оставили кого-нибудь вместо себя.

- Сын остался. Он еще молод, может обидеть посетителей. Всё!

- Так, так, вы больно много не "всёкайте"! Отвечайте на вопросы! Решается судьба человека! Вам понятно?

- А вы не кричите на народ, пользуясь тем, что сидите за должностным столом. Всё!

- Так, так, я разговариваю с вами, а не с народом.

- Народ начинается с одного человека. Всё! Я выходец из народа, не кричите. Всё!

- Я не кричу, а разговариваю.

- Нет, кричите. Всё!

- Так-так, хорошо, не кричим. Видно, вы сегодня с левой ноги встали, Шукуров-ака. Идите, вы свободны, вызовем снова.

- Воля ваша. Всё равно, что слышали, то и услышите. Всё! Продавец жареной рыбы ушел, задрав нос. Капитан-начальник отпустил и меня. Придёте ещё раз, сказал.

- Капитан-начальник, у меня дома полно дел. Кроме того, сколько раз уже пришлось пропустить улак. Некогда даже в голове почесать...

- Так, так, а мне что прикажете делать, ака? В общем, для этого дела свидетели не нужны, вон есть медицинская экспертиза. Вы бы только помогли преступников распознать и довольно. Те, двое, городские. Продавец жареной рыбы с чайханщиком знают преступников. Но вы слышали, как они отвечают...

Я пошел по обочине дороги. Прошел мимо того места, где была драка. Дорогу мне преградил человек в белом халате. Взглянул ему в лицо, а это продавец рыбы. Он взял меня за локоть и потянул в свою рыбную. Сели на длинную лавку, что в стороне от котла. Положив мне ладонь на колено, продавец спросил:

- Это вы на меня донесли, ака?

- Я не доносил.

- Нет, донесли. Всё! Разве есть что-нибудь хуже, чем донос?

- Приятель, я сказал то, что видел.

- Братец, сплетни - дело бабье. Всё! Вы ведь нормальный мужчина. А говорите, что сказали-то, что видели. И что же вы видели? Ну, что?

- Приятель, если сказать по правде, и вы себя вели совсем не так, как надо. Ведь всё видели и не подошли. Собака ваша прибежала, хотя у неё голова только животного.

- Ну, это собака! Всё! Собака на то и собака. Влезает куда надо и куда не надо и лаёт. А то бы какое ей дело до других? Знала бы себе и полёживала. А то делает своё собачье дело. Но мы-то с вами лвди. Мы не должны равняться с собакой. Всё!

И вообще, ваш родственник, оказался довольно странным человеком. Ребята ударом свалят его с ног, а он снова поднимается, снова свалят, он снова встаёт покачиваясь.

- Что же ему тогда было делать?

- Лежал бы себе. Всё. Разве он один бы справился с троими? Будь на его месте я, после первого же удара грохнулся бы на землю. И больше не вставал бы. Всё! А поднялся бы, так всё равно свалят с ног. И до их ухода притворился бы, что лежу в беспамятстве. Глядишь и отделался бы одним ударом. И не получил бы никакого увечья. Всё! А какой результат? Лежит ваш родственник теперь в больнице еле живой. Всё! Вы его проведываете? Как он теперь?

- Не ходил.

- Ничего себе, это почему?

- Я с ним не знаком, не знаю его.

- Ничего себе, ко всему ещё и не знаете его?

- Конечно,

Продавец нагнулся, посмотрел мне в лицо. Поняв, что говорю правду, хлопнул себя по коленам и засмеялся.

- Ну и братец, ну и бра-атец! Да вы же оказывается Афанди! Продавец посмотрел на собачку, лежащую возле деревянной решетки. И покачав головой, снова рассмеялся.

- Ну и ну, братец! Какое же ваше дело, если он вам не родственник, и даже вам незнаком? Да вы же настоящий Афанди Нас-реддин! А может вам от этого была какая выгода?

- Какая выгода, друг?

Продавец показал, потирая палец о палец.

- Деньги? Не говорите так, друг, не говорите так.

- Почему же тогда вы так переживаете? Ну и братец, Афанди! Всё! Вы ещё снова туда пойдёте? Тогда, вот что, ака: вы меня не видели, а я - вас. Если ещё раз наябедничаете, здорово поссоримся. Всё!

Я сел в автобус. Глаза мои слипались. Братья, голова болит.

* * *

Назир-маслобойщик на скачки приехал на кобыле. Всем кобылам кобыла. Круп широкий, крепкий, поблескивает.

Тарлан уставился на кобылу, и глаза его стали совсем другими. Пустил на улак - пошел в сторону кобылы. Потянул поводья-стал порываться к кобыле. Пустил его за конем с улаком - он поскакал за кобылой. Не знал, что делать. Назиру-маслобойщику выказал свою досаду:

- Эй, приятель, спрячьте от глаз подальше свою кобылу. Пожалуйста, дорогой ака.

Наездники со смехом отпускали солёные штучки. Назир-маело-бойщик уехал со скачек. Довольный, я пустил Тарлана на улак. Тарлан снова не решался. А ведь настроение у него хорошее. Терпение моё лопнуло. Я разозлился. Рукояткой плетки ударил Тарлана по голове.

- Проклятие твоим предкам, вот тебе, вот!

Подняв передние ноги, Терлан подпрыгнул чуть не до небес. Раздраженно заржал. Несколькими кругами обежал долину. Весь покрылся потом. Пот стекал со лба, падал ему на ноздри, которые открывались и закрывались подобно рту рыбы. Я подъехал к куче всадников. Пустил его на улак, хлестая плеткой как попало. Он снова заупрямился. Рукояткой плетки я начал бить его между ушами, по морде.

- Что, всё ещё тебе мало? Вот, получай, вот! Чтоб тебя перевернуло!

Братья, когда находит гнев, уходит разум! Я содрал с Тарлана седло, упряжь, уздечку. Стеганул по голове.

- Уходи, зверюга, уходи! Ты - конская колбаса, да и только. Потянула тебя кровь предков!

Тарлан убежал, потряхивая гривой. Наездники бросились было за ним. Но я махнул рукой, мол, не надо.

Я не остался до конца скачек. Сунув подмышку седло, упряжь пришел домой. Жена встревожилась, спросила про Тарлана.

- Не спрашивай, жена, не спрашивай. Помнишь, как приезжали артисты из Термеза и показывали спектакль в клубе? Что сказал тогда в этом спектакле Алишер Навои? Сколько не воспитывай скотину, она всё равно останется собакой, ослом, но человеком не станет. Так он сказал. Жена, Навои, был прав! Холил коня, сам весь высох. Не ел, не пил, все Тарлану отдавал. И детей обделял, всё ему отдавал. Всё равно Тарлан не стал человеком. Я его избил и прогнал. Отказался от него. Ушел Тарлан к своему звериному роду. Тарлан ослепнет, жена, вот увидишь, мои хлеб-соль сделают его слепым. Вот увидишь.

- Зря вы так сделали, лошадь была дорогая.

В душе у меня что-то рассыпалось на мелкие-мелкие кусочки. Мне стало жалко Тарлана.

Поздно ночью послышался стук в большие ворота. Кто бы это мог быть, подумал я, и, набросив на плечи халат, вышел во двор. Кто там, спросил. Никто не ответил. Заскрипела цепь на воротах. Я подошел и открыл. О, всевышний, у ворот стоял Тарлан. Один! Он потянулся ко мне мордой и виновато зафыркал. Не сказал Тарлану ни слова, даже не взглянул на него. Да, ты стал человеком, подумал и отвернулся от него. Никуда не денешься, человека, который явился к тебе в дом, не прогонишь. Не произнеся ни звука, я пошел к конюшне. Тарлан увязался за мной. Пустил его в конюшню и запер дверь.

Назавтра мне рассказали, что после своего побега Тарлан пришел к Назиру-маслобойщику. Маслобойщик расседлывал свою кобылу. Увидев Тарлана, он удивился. Тарлан заржал и вошел в ворота. Маслобойщик промолчал. А что он мог сказать? Разве можно отказать жениху, явившемуся в дом с поклоном?

Наш Тарлан с кобылой стали оказываются обнюхивать друг друга, тереться друг о друга мордами. О чём-то говорили друг с другом. Объяснившись в любви, стали угождать друг другу...

Через какое-то время проснулся маслобойщик и глядь – а жениха уже нет.

Самад-наездник получил на скачках всё, что полагалось -заключительные награды. На обратном пути пригласил всех нас в гости. Когда подъехали к его дому, я призадумался. Все наездники, кроме меня, живут рядом. Они отведут коней и обратно сада. Наш же дом далеко. Пока отведу Тарлана домой и вернусь, можно будет дважды приготовить плов. Они не будут меня дожидаться. Всё мясо съедят. Могу поленившись и не прийти.

Думал-думал и остался. Что там не говори, а желание поесть берёт своё.

Привязал Тарлана к столбу ворот. Когда снимал с седла выигранные на скачках ковер и халаты, на улице увидел младшего брата жены, Каракула. Куда путь держишь?- спросил я . К вам,- ответил он. В таком случае Тарлана захвати с собой, сказал я. Поддерживая Каракула за ноги, помог сесть в седло.

У Самада-наездника мы отдохали, полулёжа на курпачах сладко потягиваясь. Мы оживленно беседовали, обсуждали минувшие скачки. Наездники давали коням характеристики. О допущенных ошибках говорили друг другу в лицо. Говоря об удачах одобрительно похлопывали друг друга по плечу. Ну и молодец, живи долго, говорили мы, хлопая друг друга по колену. Стали друг для друга примером.

Самад-наездник снял с гвоздя домбру. Настроил. Щелкнув пальцами, заиграл. Каждый погрузился в свои раздумья. Очередь дошла и до меня. Я уселся, скрестив ноги. Засучил рукава. Настроил домбру на свой лад. Наигрывая шуточные частушки, я раззадорил наездников. Самад-наездник, сидя на месте, приплясывал потряхивая плечами. Эх-х, будь, что будет, сказал он сам себе.

В свои шуточки я вставлял колкие слова, упоминая о конях. Получилась лошадиная песня! Ах-хай!

Смотрю на эту твою спину, она так широка, что на ней могут лежать невеста с женихом.

От дыхания, что выходит из твоих ноздрей, загореться могут сухие кустарники.

Между ушами твоими, можно пропустить воду, которая будет двигать мельницу.

Братья, конь, который упоминается в песне, и есть наш Тарлан, да-да. Вот Тарлан гарцует, упруго вздрагивает его тело. Заржал, глядя на необъятные Вахшиварские холмистые степи. С могучих холмов откликнулось эхо. А может, и ваш конь похож на нашего Тарлана? В таком случае и о вашем коне получилась песня? Ах-ха!

Не годится без конца слагать песни о конях. Надо переходить к наездникам. Кого бы воспеть в песне? Может о сидевшем в углу в раздумье наезднике Одине? Ему уже стукнуло тридцать, а он до сих пор не женился. А ну-ка задену разок его, авось разыграет в нём юношеский задор! Ах-ха! Ах-ха!

Если однажды побежишь искать

Свадьбу добродушного кунградца.

Если займешь, друг, место

В почетном углу черного дома,

Что мне делать, если обнимешь

Пери, у которой смеётся нос.

Может улетучились бы страдания сердца!

- Ух, прямо наповал!

- Так держи, Зиёдулла-наездник!

Наездники поняли, куда я клоню. Он, кому относились слова песни, понял, узнал себя! Глядя на скатерть, мотнув головой, засмеялся. А следующие слова я сказал без подковырки:

- Одина-наездник, к тебе обращаюсь, пока в доме джигита не появятся две головы, богатство у него вдвое не увеличится. Женись же наконец, друг. Ходишь, молчишь, будто в рот толкна

набили, скажи хоть, в чём дело-то? Мы твои товарищи по стремяни. Пригодимся тебе и в добрый час и в черный день.

Наездники меня поддержали.

Наконец, наездник Одина подал голос. Оказалось, этот чертов Одина имеет виды на мою свояченицу. Вот тебе на! Посылал сватов, а наша тёща отказала.

Я спросил, мол, другая, кроме моей свояченицы, не подойдет? Одина сказал: нет. Одина-наездник, скроме сестры моей жены, никого в мире, оказывается не признаёт. Свояченица наша, оказывается на всём белом свете одна такая, единственная. Да не может быть, сказал я. Клянусь, ответил Одина. Братья, он оказывает-, ся и в самом деле влюблен. Ах-ха!

Так и быть Одина-наездник, дай руку, сам стану сватом, -сказал я. Не будь я Зиёдулло-наездником, если я не женю тебя на свояченице и не станем мы свояками. С этого дня мы с тобой свояки,- сказал. А ну, ;подвиньтесь, - сказал ~ если свояк встретил свояка!..

Братья, оказывается, верно говорят, поручил мальчишке дело, но сам беги за ним следом. Подумайте только, что наделал братишка жены? Из арыка, что возле дома нашего, он напоил Тарлана. Тарлан, который весь был в поту, напился воды. Потом отвёл Тарлана в конюшню и привязал его.

Утром вывел я Тарлана из конюшни, а у него шкура на брюхе ходит ходуном! Братья, так бывает, если конь воды опился! В Тарлана попала вода! Ах, ты шурин мой, ах, голова! Что тебе сказать! Сказать, что когда конь весь в поту, его нельзя поить и запирать в конюшне? Или сказать, что если вдруг напоил, его нужно хорошенько прогулять? Сказать, что лотом, конь становится непригодным для скачек! Сказать, что хотя ты в школе и секретарь комитета комсомола, а таких простых вещей не знаешь? Или сказать, как же у тебя, отличника Кадырова Каракула без единой четверки, даже на это не хватило ума? Может, сказать, что записочками перекидываться под партой с дочерью Омана-музыканта ума хватило, а на это не хватило! Уж был бы как я плешивый, то оправдал бы, что с него возьмешь, ведь у него ум с волосами выпал, а то ведь на голове полно волос! Не скажу, не скажу! Шурину такое нельзя сказать. Его сестра у нас!

Я был занят тем, что оседлав Тарлана, выгонял из него воду. На многие скачки я не ездил. Если и ездил, то не скакал на Тарлане. Состязался на чужих лошадях.

Так случилось однажды и на скачках в Вахшиваре.

Вон та белая гора, что находится на западной стороне, называется Кератау. Она - продолжение Гиссарских гор. На карте обозначена как Байсунская гора. Так сказал шурин. Нельзя сказать, что горы Кератау расположены близко.

Горы громадные, и поэтому кажется, что до них всего один шаг. Мелкие пятна на них - это заросли арчи. На самом деле арча не такая маленькая, это только кажется так издалека. Арча достигает высоты карагана. Ствол - толщиной с человека. Холмистые степи, горные склоны покрыты снегом. Долина Корбосди, что находится в углублении горного склона, тоже в снегу. Столько снега, что даже сапоги проваливаются в них. На снегу следы зверушек. Вокруг следов валяются куриные перья. Это проделки лисы. Пятилапые следы - волчьи.

Небо сияет. Над головой ослепительное солнце. Глазам смотреть больно. Искрящиеся как рыбы чешуйки снежинки выбивают слезы из глаз. Округа бела и гладка, как яичная скорлупа. Поди, догадайся, где под снегом яма, а где обрыв.

В душу запало сомнение. Участвовать в улаке не хотелось. Но раз приехал, дай, думаю, попробую.

Решил скакать на коне Джурь-бобо. Осторожно скачи, сказал старик. Беспокойство на душе усилилось. Натянув шапку до бровей, прикрыл глаза от солнца. Прочел про себя молитву. Направился к темневшей вдали кучке людей, толпившихся на белой как отбеленная бязь,

равнине.

Наездники разбрелись окутанные паром из конских ноздрей.

Улак поднимали дважды. Глядя, как скачут лошади, мне было и жалко их и смешно. Кони с трудом вытаскивали ноги из снега. Останавливаются и снова бегут. Как будто идут иноходью. Кони быстро скакать по снегу не могут. Ноги у них вязнут в снегу, снег слепит им глаза.

Меня не тянуло на состязания, я отошел в сторонку, стал наблюдать. Мой взгляд упал на одного наездника. Конь у него был низенький, чуть повыше осла. Желтая шерсть на нём, как на теленке длинная-длинная. Стремян вроде нет, ноги наездника болтались, задевая снег. Мне захотелось рассмеяться. Заглянув в лицо наезднику, я обомлел. Желание рассмеяться улетучилось. - Тот самый плешивый из плешивых! Что он здесь делает?

Я подошел к Джуре-бобо, который оседлав нашего Тарлана держался в сторонке. Спросил у него. Джуре-бобо ответил, махнув рукой:

- Говорят, что у него вроде какие-то приятельские отношения с хозяином свадьбы. Что, сразу узнал его?

- Как же не узнать, если он такой же плешивый как и я.

Стоящий рядом мужчина, вмешался в разговор:

- Это тот самый бывший начальник управления? Так я и подумал, здесь что-то кроется.

- Ну и что же?

- Вы уж не принимайте на свой счет, что назову его плешивым, Зиёдулла-наездник, но лучше бы не видеть лица этого плешивого, пропади он пропадом. Вон проклятие народа сделала своё дело. Бродит по улицам, как собака.

- Что, и к вам приходил?

- Эх, лучше бы вам не спрашивать, а мне не отвечать. Всех лошадей загубил. Хозяин свадьбы приходится ему приятелем, и у него коней не осталось. Бедняга, тогда шел за своим конем и плакал. А теперь плешивый явился к нему на свадьбу. Не знаю, как у него хватило совести, с каким лицом пришел. Э, да у него, что голова, что лицо - разницы нет. Всё одно - гладкое!

- Кто ему дал коня?

- Сам попросил. И знаете, ещё что говорит? Мол, зачем столько лошадей, надо скакать говорит на ослах, а из лошадей делать конскую колбасу. Сам весь трясётся. Еле плетётся. Вдрызг пьяный! И вдобавок, Хаджикулбай его здорово провёл. Будто почитает его: подсунул ему мула, похожего на осла. Вы, сказал, всё же начальство, поезжайте и присмотрите за скачками. Бедняга поверил и примчался руководить скачками. Лишь бы его не сбили лошади.

Наездники из всех сил понукали лошадей. Хлестали плетками по крупам. С криками, воплями гнали их на улака в круг. Распорядитель объезжал сгрудившихся наездников и подгонял, подбадривая их:

- Э, давай, давай, хватай улак!

Плешивый из плешивых в это время призывал к порядку орущих во всё горло наездников:

- Шумно, товарищи, шумно! Пусть будет поменьше шума! Один из наездников хлестал коня плеткой за то, что тот не желал подойти к туше.

- Ух, скотина, проклятие твоим родителям! Вот тебе за это, вот!

Плешивый из плешивых сделал предупреждение наезднику:

- Не ругайтесь, товарищ наездник! Здесь место общественное! Наездник не слышал. Услышавший распорядитель, хмуро посмотрел на плешивого из плешивых!

Гнедой Дшуры-бобо нервничал! Тряхнув поводья, рванулся к улаку. Ему захотелось унести улак. В такой момент не по совести сворачивать коня. Это равносильно тому, что сводить коня к воде и не дать ему напиться. В итоге испортишь коня. Он становится равнодушным к улаку, к

наезднику.

Когда конь Джуры-бобо снова тряхнул поводья, я пустил его в круг. Улак вынесли вместе с одним саврасым. Саврасый оказался ловчее, свернув с дороги, его наездник надал коню. Я скакал, держась за улак. Моя замерзшая рука соскользнула с туши. Гнедой Джуры-бобо не отставал от саврасого. Расстояние между нами где-то в маховую сажень. За нами вслед скачут кони. В такой обстановке отставать от улака опасно. Потому что самый проворный из мчащихся вслед за нами всадников, может ворваться между нами и сломать протянутую руку. Вот по этой причине не стал протягивать руку за улаком. Коня Джуры-бобо повернул в сторону.

Теперь я начал входить в азарт. Всё тело напряглось. Я приободрился. Когда тушу поднимал какой-то каурый конь, я тоже присоединился к ним.

Видели ли вы когда-нибудь коня с кучерявой шерстью, как у ягненка, с округлыми глазами, как яблоки? Дай бог вам удачи! Это и есть каурый конь! Каурый конь с глазами-яблоками!

Я начал отставать от каурого. Трудно скакать наезднику на коне, к которому не привык. Рука моя снова сорвалась. Но гнедой Джуры-бобо приблизился к улаку вплотную. Позади от улака, буквально на шаг, я скакал возле крупы Серой куропатки, что с улаком. В такой обстановке отставать от улака очень, очень опасно! По той причине, если я вырву улак, то туша с силой ударится в грудь, а после о колена моего коня. В итоге конь споткнется и упадет.

Самый верный путь для захвата улака - это вырваться вперед и выхватить его. Решил сделать так. Вытянувшись в седле, ухватился за улака и ударил плетью коня Джуры-бобо. Но конь Джуры-бобо не такой победитель как наш Тарлан, который скачет только вперед - он свернул в сторону. Улак перешел в мои руки. Но я не смог поднять его прямо вверх. Туша с силой ударила о грудь гнедого Джуры-бобо, а потом и о передние ноги. Гнедой споткнулся. Когда ещё раз споткнулся, нагнулся вперед. С улаком в руках я перелетел через голову коня...

Показалось, что просыпаюсь ото сна. Различил невнятные, неясные голоса людей. Открыв глаза, увидел мир небесного цвета. Когда взгляделся получше, оказалось, что это и есть само небо. В недоумении я огляделся вокруг. Возле меня стояли Джура-бобо и несколько моих друзей по стремени. Недалеко у моих ног стояли кони, друзья по стремени оживились:

- Наконец-то, открыл глаза.
- Пришел в себя, снова потрите ему лицо снегом.
- Зиёдулла-наездник, ну как, кости целы?

Только тут я понял, что произошло. Решил подняться. Правая рука, державшая улак, не шевелилась. Будто не было в ней жизни. Напрягся что есть силы и приподнялся. Правая рука отозвалась острой болью. В глазах у меня всё помутнело, снег почернел. Снова упал навзничь.

- ХОЧЕТ встать, поднимите его.

Придя в себя, открыл глаза. У моих ног среди всадников находился и плешивый из плешивых. Я повнимательней всмотрелся в его лицо. Лицо у него радостное, даже немного сияло улыбкой. Спьяну или надо мной смеётся?

Плешивый из плешивых заговорил, поглядывая на окружающих:

- Ещё много лет тому назад я говорил, что скачки - пережиток прошлого, враг здоровья, опасны для жизни! Вот вам подтверждение! Не хотел отдавать вот этого коня на мясо, и отсидел по закону. Вот вам подтверждение! Если бы сдал коня на мясо, не лежал бы вот так, распластавшись на земле. Хорошо ещё, что не умер! Но всё равно стал инвалидом. Конец!

- Когда хороший человек падает с коня, плохой человек делается прорицателем!

Это сказал Джура-бобо. Бобо одним выстрелом убил двух зайцев: поднял моё настроение и поддел плешивого из плешивых.

Во рту у себя почувствовал что-то непонятное. Пошевелил челюстями. Что-то заскрипело. Кончик языка прошел между зубов. Я попробовал засунуть в рот палец. Палец был в крови.

Сунув под бок, обтер его. Понял, непонятное во рту - вкус крови, то, что поскрипывает и движется за щекой - зуб, углубление, куда свободно проходил и выходил кончик языка - место зуба.

Что-то в душе сдвинулось. Поднатужившись, напряг всё своё существо. Правая рука невыносимо ныла. Я приподнялся, опираясь на левое колено. Товарищи по стремени подхватили меня подмышки. Я,- покачав головой, сказал - не надо. С трудом приподнялся. Голова закружилась, в глазах потемнело. Собрав все свои силы, крепко сжал зубы. Всё в мире снова встало на свое место. Рот до краёв наполнился кровью. Стоит немного задуматься - и всё вылетит изо рта. Не знал куда сплюнуть. Вокруг белым-бело. Если сплуну, снег станет красным-красным. А плешивый из плешивых увидит кровь...

Глаза мои на плешивом из плешивых, глаза плешивого из плешивых на мне!

Нет,нет, так не пойдёт! Сломанный зуб вместе с кровью во рту - проглотил. Сглотнув ещё раз, проглотил оетшуюся кровь.

Не моргнув глазом, шагая как богатырь, пошел к гнедому Джурь-бобо. Правая рука не двигалась. Опершись левой рукой о луку седла, вскочил в седло. Правая рука заныла. Взяв поводья в левую руку, поехал к группе наездников. Наездник, у которого я вырвал улак, спросил с сочувствием:

- Ну как, наездник, ничего не повредил? Усмехаясь, отмахнулся рукой здоровой:

- Ерунда. Всего лишь навсего немного в снегу вывалялся. До сих лор с удивлением смотревший плешивый из плешивых

слушал мои слова, разинув рот!

Дёрг, дёрг! Ох, рука моя!

Правую руку с осторожностью сунул за пазуху. Немного полегчало.

Улак был поднят. Я поскакал вслед за группой всадников.

Машинально высунул руку из-за пазухи.

Дерг, дерг! Ох!

Кто унес улак - не знаю. Для отвода глаз скакал вслед за конями. Снова сунул руку за пазуху. Послал гнедого Джурь-бобо за улаком. Гнедой, видимо, только этого и ждал - вмиг ворвался в круг и баста. Я очутился в затруднительном положении. Как я подниму улак? А если кони заденут руку, и я соскользну с седла? Я растерялся, не знал, что делать. Однако чей-то савраснй преградил нам путь. Гнедой .Вдуры-бобо не смог пробраться к улаку. Только тогда сердце мое успокоилось. Я облегченно вздохнул. Глядя на саврасого, подумал: спасибо тебе, что ты такой.

Дерг, дерг!

Прежде бывало, ждешь улак, а он оказывается не в моей стороне. И надо же именно теперь улак мчит прямо на меня! Можно подумать, так я и нуждаюсь в этом улаке, и это моя заветная мечта, будто!

Вон и улак уже близко. Все смотрят. А особенно плешивы! из плешивых!

Я, стиснув зубы, протянул руку больную за улаком. Будто бы схватил его изо всех сил за ляжку. На самом деле, всего лишь коснулся пальцами его шерсти.

Дерг, дерг!

Будто, пытаюсь выхватить улак, я с гиканьем огрел плеткой гнедого .Вдуры-бобо:

- А ну, милая!

Гнедой Джурь-бобо отстал от улака. Я для отвода глаз покачал головой и будто с досады махнул рукой, в которой находилась плетка. Будто удача посмеявшись ушла, ах как жалко, - сказал. Я сетовал на свою неудачу.

Дерг, дерг!

Наконец-то, все обещанные награды были разыграны, и скачки закончились. Я оседлал своего Тарлана. Выстроившись в ряд, вернулись домой. Позовите фельдшера, - сказал жене. Пришел фельдшер со своим ящичком. Встряхивая, потянул рукав с больной руки. Я застонал.

Дерг, дерг!

Рукав не стягивался. Дал фельдшеру свой нож. Фельдшер ножом разрезал мне рукав. Глянул, локоть в три раза толще здорового локтя - раздулась от опухоли! Фельдшер покачал головой и ушел за машиной.

Повез меня в больницу совхоза "Хазарбаг". Врачи осмотрели мою руку через какой-то аппарат. После наложили гипс. Не очень пугайтесь, - сказали, всего лишь вывих.

Хм-м, а чего мне пугаться! Я как упал с коня сразу понял, что вывих!

Братья, если даже рот заполнен черной кровью, не сплевывайте перед недругом!

Я пролежал более двадцати дней. Сняв гипс, врачи отпустили домой. Пришел домой, а участковый уже два раза оказывается, наведывался.

Справлявшимся о здоровье показывал руку. Хасан-бобо, поворачивая, осмотрел руку и сказал: эге, так ведь она кривая. Внимательно оглядел руку, и впрямь, начиная от локтя - рука кривая. Хасан-бобо сказал, чтобы я пошел к Курбану-табибу, тот скажет, в чем причина.

Наутро, оседлав Тарлана, отправился в колхоз им.Куйбышева.

Когда-то в этих местах жил один человек по имени Хидир. Мы его называли Хидир-мирабом. Так он и впрямь был мирабом! А если ездил, так на таком коне, какому нет сравнения. Хидир-мираб лечил вывихи и переломы. Этот человек ушел. Куда же еще, как не в иной мир!

После него осталось два сына - Курбанназар и Абдиназар. Абдиназар стал газетчиком. А Курбанназар перенял у отца его искусство, и не удивительно, если отец передал ему свой волшебный способ. Сам он, председатель! Но не кичился тем, что председатель. Одинаково относился и к бодрым людям и к маленьким,

В ворота дома этого человека я и постучал рукояткой плетки. Из комнаты вышла какая-то женщина. Спросил, где мужчины. Ответила: на работе. Проходите, они долены вот-вот подойти, сказала. Привязав коня, я вошел, отвесил поклон гостиней Курбанназара. Его жена застелила стол скатертью. Я сидел, сам себе наливал и пил чай.

Пришел наш братец Курбанназар. Мы поздоровались, обнимаясь. После обеда я рассказал ему о своей горе. Курбанназар, отогнув угол скатерти, сказал: а ну, покажите. Я оголил руку. Курбанназар осмотрел руку со всех сторон. Начиная от плеча, ощупал до кончиков пальцев. Задержался несколько раз там, где соединяются суставы. Особенно долго ощупывал локоть.

Мне показалось, что Курбанназар прислушивается к моему локтю. Я удивился. Прежде всего, мой локоть не радио не телевизор. Всего лишь навсегда кость и кожа. В конце концов человек слушает ушами, а не руками.

Только всего этого я не сказал Курбанназару. Про себя подумал: да-а... Ру-ка посмотрим, что же он скажет, подумал я, он сказал так:

- Зря вы беспокоились, был небольшой ушиб, и теперь, рука зажила. Гипс врачей помог.

- Если сказать вам, я бы не приехал, это Хасан-бобо настоял, мол езжай да езжай.

- Да, ладно. Хорошо, что приехали. Хоть повод появился, погостить у меня. А ну, ложитесь, я вас полечу. В другой раз никакие ушибы вас не возьмут,

Я растянулся на курпаче, положив голову на подушку. Протянув руку Курбанназару, лежал глядя в потолок. Курбанназар принялся массировать руку с кончиков пальцев.

- Закройте глаза, так будет лучше. Да, вот так. Можете подремать. Будто вы спите. Кости рук, оказывается у вас крепкие. Вы и раньше ушибались, падая с коня?

- Нет.

- Это почему же теперь так случилось?

- Я скакал не на своем коне. Конь Джуры-бобо не понял меня, а я не понял его, поэтому так и случилось.

- Вон как, где же был ваш конь?

- В нашего Тарлана попала вода.

- Что такое, когда попадает вода в лошадь, знаю. А что это значит, если в ноги попал корм?

- Если в ноги коня попадает пища, то у него затвердевают ноги, а сухожилия рвутся с дребезжащим звуком.

- Вон как, значит, и на тех двух конях нельзя бывать на скачках, да?

- А то кафе.

- Воронье кони хорошие или плохие?

- Плохие. Воронье кони упрямые, у них злой нрав.

- Вон как. Сетон-Томпоон тоже так писал. Значит, это правда.

- А откуда этот наездник?

- Он не наездник, а канадский писатель. Он так писал в своей книге "Мустанг-иноходец".

- Кто бы он ни был, но лошадей, видать, знает.

- Он пишет : конь осоловел, что это значит?

- Это когда конь зажиреет. Потом он становится непригодным для скачек. Если без разбора будете скакать на вскормленном коне в таком случае .у него накаливается шар, И на таком коне целый год нельзя скакать на состязаниях.

- Вон как, А вот конь не наезжает на человека, почему так?

- По той причине, что он уважает человека. Он предан человеку, Среди животных - только лошади и собаки такие. Самая лучшая машина какая? Верно, молодчина! Так вот, даже в сравнении с тормозами этой машины у коня тормоза работают лучше. Если увидит перед собой человека - внезапно останавливается. А если вдруг растеряется, то тогда перепрыгивает через человека.

- Во-он как. Говорят еще, что конь за которыми ухаживала женщина, бывает хорошим. Это правда?

- А то как же. По той причине, что конь почти то же самое, что и человек. В крови у него правда, течет немного крови дива. Когда подходим к коню, чтобы дать ему корм, он всегда тянется к нам, ему хочется потереться о нас, чтобы его поласкали. А мы ему -стой смирно, ну, нетерпеливый, орем на него, плеткой замахиваемся. Такие наши выходки неприятны коню. Вот если женщина, кокетничая, будет тянуться к нам, а мы ее обругаем, каково ей будет? Конь тоже самое. Душа коня, как душа женщины, нежная. Ведь женщины не бьют коней!. Они терпеливо сносят игривость коней. Мягкий характер женщин приходится по душе коню. Еще одна причина, почему конь, за которым ухаживает женщина, бывает хорошим - так ведь женщина всегда дома. То уходит в комнаты, то выходит во двор. Глаза коня с утра до вечера видят ее. Стоит коню заржать, как женщина накормит его, напоит. А мы, мужчины, бываем дома реже. А-а-а-а, умира-а-аю!..

В локте у меня что-то хрустнуло. Меня бросило в жар, на лбу проступил пот* Посмотрел на Курбанназара, а он улыбается.

- Вот, теперь ваша рука в порядке.

Только тут я сообразил, что Курбанназар нарочно отвлекал меня разговорами.

Я лежал долго. Когда боль успокоилась, встал. Курбанназар продел мою руку через платок и подвязал на шее. Ни укола не сделал, ни лекарства не дал, даже снимка рентгеновского не сделал.

- Врачи, понимая, что у вас вывих, все же наложили гипс. Они всегда так делают. Так у них в книге написано. Если бы вы ко мне не пришли, боль в руке стала бы мучительной. Теперь все

заживет окончательно, рука будет, какой была раньше. Понемножку принимайте мумие, это укрепит кости.

До самого вечера оживленно беседовали друг с другом. Домой я вернулся верхом. Прощаясь, Курбанназар повторил:

- Смотрите, не говорите врачам, что я вам вправил сустав. Бывают люди хорошие, а бывают плохие.

До самого дома думал. Ай-да доктора, зная, что у меня вывих, зачем же в гипс замуровали? Знаете ведь, что когда кость не на месте, значит и покоя нет. Изведет человека. И будет мучить всю жизнь. А если не знаете, так спросите у Курбанназара. Или скажите: иди к Курбанназару-табибу. Помчался бы. Хорошо, что есть на свете Курбанназар. Пока еще есть Курбанназары, а потом что будем делать?!

Пришел наш участковый, сказал: если у вас рука зажила, идите, зовут вас.

От глаз врагов, снял с шеи повязку. Сунул руку за пазуху. Спешил. Вошел в отделение, а там сидит тот избитый человек в полосатом халате. Рана на лице до сих пор не зажила.

Он меня не узнал. Капитан-начальник представил. Человек в полосатом халате крепко обнял меня. На глазах у него выступили слезы. Сидя рядышком, мы говорили по душам. Расспросили, кто и откуда, какие общие знакомые и прочее. Он оказался, из колхоза

им.Жданова, а зовут его Рахманом. Он был взволнован, голос его задрожал:

- Всю жизнь до самой смерти буду преклоняться перед вами.

- Да что вы, не говорите так, что же я такого сделал, что вы будете преклоняться.

Капитан-начальник спросил о моей руке. Зажила, сказал. Он рассказал о том, как обстоят дела. Хулиганов нашли, устроили очную ставку с Рахманом. Рахман узнал их. Но хулиганы не признаются. Теперь дело, оказывается, за мной. Сейчас их приведут, сказал капитан-начальник. Тут же милиционер привел их в комнату. Один из них хотел сесть. Капитан-начальник закричал на него: встать. Парень застыл, сложив руки на груди. Вот этого человека знаете, спросил капитан-начальник, указывая на меня. Не знаем, ответил один, уставившись на меня как корова. Это они, спросил капитан-начальник, показывая их мне. Они - сказал я, утвердительно кивнув головой. Уведите их, сказал « капитан-начальник милиционеру. Милиционер увел их, подгоняя. Капитан-начальник сказал, что я свободен.

- Что ж, большое вам спасибо, браток. После окончания следствия дело передадим в суд. Если в день суда вызовут вас, приходите.

- Вот, что я вам скажу капитан-начальник, столько дней мне не здоровилось. Напарник мой заменял меня, пас овец. Теперь какими глазами буду смотреть...

- Так-так, понимаю браток, понимаю. Ваше присутствие на суде необязательно. Но эти негодяи могут отрицать участие во многих содеянных ими делах. Дело снова захромает. Вы, когда у судей возникнут вопросы, будете отвечать да или нет. Только и всего. Кроме вас, больше живого свидетеля нет. Вон ради этого вашего товарища, приходите еще разок.

Капитан-начальник затронул мою душу. Ведал того или нет, но сказал: ради вашего товарища. Эти слова глубоко тронули меня, Нет, я не сказал, ради друга своего Рахмана.

Вместе с другом Рахманом мы принялись в столовой за манты. Он пригласил меня к себе домой. Неважно чувствую себя, в другой раз зайду, сказал я. Тогда, как-нибудь сам приеду к вам, станем братьями, сказал он. Мы и без того уже братья, друг мой, ответил я. Потом мы разъехались по домам.

О том, что у нашего дома останавливалась милицейская машина, узнала, оказывается, вся округа. Всюду, только об этом и говорили. Люди удивились, забеспокоились за меня.

Поздно вечером пришли проведать меня друзья по стремени и наш сосед Рихсиев. Жена расстелила перед нами скатерть с угощениями. Будущий свояк Одина-наездник, стесняясь моей

жены, сидел, не поднимая глаз. Друзья по стремени смущались, не зная с чего начать разговор, Рихсиев начал разговор с самого главного:

- Товарищ Курбанов, вас будто из дома милицейская машина забирала?
- Ничего подобного!
- Вон, ведь все об этом говорят?
- Не забирала, только известили, чтобы я явился. Я ездил в автобусе.

Я понял, что люди обо мне все переговорили. Только попади им на язычок. Из мухи слова сделают. На чУЕОЙ роток не накинешь платок. Теперь придется рассказать, как было на самом деле.

Рассказал. Все, до мельчайших подробностей. Друзья по стремени, а особенно Одина-наездник кивая голово! одобрили мои дела:

- Вы, оказывается, совершили много хороших дел. Будь на вашем месте я, поступил бы точно так.

Рихсиев, приподнявшись с полушек, устоялся на Одину-наездника.

- Ага, ну что тут хорошего, ну, что тут хорошего? Сам ходит с переломленной р.укой, да еще на следствие ездит. Сколько хлопот, сколько беспокойства!

- Да, какое там беспокойство, была причина с Тарланом по города прогуляться.

- Ага, вы, товарищ Курбанов, пофилософствуйте об этом с кем-нибудь другим. Дескать, прогулялись. Такие дела, кроме забот и тревог ничего не приносят. Знайте себя и пусть до чужих дела не будет, товарищ Курбанов.

- Да-а, от судьбы, выходит, не уйдешь. А что творится на белом свете?

- Ага, много чего, товарищ Курбанов. Международная обстановка продолжает накаляться. Мир под угрозой.

- Кто угрожает-то?

- империалисты США! Об этом по "Международной панораме" сам товарищ Зорин сказал. Да, еще и в "За рубежом" напечатано. Можем обратиться к фактам. Администрация США запланировала выпустить в 1983 году химико-бактериологическое оружие на 810 миллионов долларов.

- Это какое такое ружье?

- Да не ружье, а ядовитые ингредиенты.

- Вы по-нашему, по-дехкански, скажите. Откуда нам, плешивым, кроме рыданий, такие слова знать.

- Так вот ингредиент - это яд, полученный вследствие синтеза двух жидких веществ. После чего получается нервный паралич.

За десять-пятнадцать минут можете стать покойником, вот.

- Й это придумал человек? Для того, чтобы уничтожить человечество? О господи!

Они разошлись по домам. Жена вошла, чтобы убрать со скатерти. Дала мне на руки нашего малыша.

- Подержите его немножко, а я пока посулу вымою.

Я взял малыша на колени. Он захныкал, протянув ручонки к матери, выходящей из комнаты со скатертью.

- К?, хватит, хватит, мама сейчас вернется. А кто это там на фотографии? Братик-да? Скажи: бра-тик.

Малыш не унимался. Хныкал и хныкал. Покачивая его на коленях, я запел:

Иди, дитя мое, ко мне на колени,

Станешь моим утешением. Послушай, о чем я тебе спою Баю-баюшки-баю.

Пусть дитя мое родное, поскачет на коне, Пусть накроем коня бархатной попоной.

Колыбельную споеет тебе отец. Пусть найдет в тебе свое украшение, Баю-баюшки-баю.

- Эй-й, ма-а-ма, иди сюда, накорми моего сыночка грудью. Сыночек проголодался. Вот, сейчас твоя мама придет.

Ты дитя мое, ты же мой брат Бегущий в мои объятия. Если станешь чабаном, Выберешь для себя -Пастбища и речки. Баю-баюшки-баю.

- А ну, хватит, маменькин сынок! Раз есть рот, думаешь можно орать, да? Что, рот у одного у тебя, что ли? Вот, и .у меня есть! Почему же мы не кричим? Пора и честь знать! Или заливаешься из-за того, что сказал: коня попоной покроем и пасти овец будем? Где тот конь, те овцы? Ты говоришь о тех, что во дворе? Эге-е, это наследство оставшееся после деда. Все это принадлежит мне. Мне, понял?

Баю, баю, где твой сон?

Где верблюдов, что дал тебе дед?

Если есть верблюдов, что дал тебе дед,

Почему же ты его не пасешь?

Если у тебя есть верблюдов, которого пасешь,

Где же твои долины и степи?

- Вот, что - в таком случае, ты сын пучеглазого! Если ты настоящий мужчина, отвечай, потомок плешивого! Ага, что замолчал сразу! А то хныкаешь и хныкаешь! Что? Не-не-не! Я пошутил, потомок плешивого, пошутил! Что, и шуток не понимаешь, что ли? Сынок -

все твое, и этот вот дом, и овцы в хлеву, и луна в небе, и вспаханные земли - все твое! Так и быть, забирай! И Тарлана отдаю! Так и быть!

Спою я тебе баю-бай Отправляй коня в табун. Раз убаюкиваю, засыпай, Отец свою жизнь отдаст за тебя Спи, дитячко, баю-бай-й-й!

- Сынок, только никогда не забывай. Если даже как Гагарин достигнешь небесных высот, и если даже став ученым будешь править всем миром, прежде всего ты - сын Зиёдуллы-плешивого, мой сын!

А раз так, будь таким, как я! Будешь таким, как я, да, скажи, будешь, да?.. виноватым в том, что текли эти слезы. Больше не смог смотреть на их лица, залитые слезами.

Отвернулся. Подошел к Тарлану. С Тарланом поехали в кишлак. Миновав колхоз "8 Марта", вступили в ущелье Хайрандыра. Вокруг низкие-низкие холмы. Дорога, словно качели то поднимается вверх, то опускается вниз.

Наступили сумерки. Сумерки, опустившиеся на мир, опустили и на мою душу. Душа как и сумерки стала смутной. Я невольно оглянулся назад. Увидел вдалеке красную машину. Поехали с Тарланом по обочине дороги. Начали подниматься на горный склон. На самой середине склона снова обернулся. Машина едет следом. Мы спустились со склона. Из-за того, что склон был крут Тарлан припадал на задние ноги. Передние ноги ступали тяжело-тяжело. Мы спустились в равнину. На вершине холма машина замедлила ход. Я удивился. Обычно машины едут быстро, эта же, сколько уже прошло времени, одного коня не может обогнать. А может что-нибудь поломалось?

Мы подъехали к арыку, перерезающему дорогу. Вода в арыке мутная. Вся в красной глине. Коню будет по колено. Тарлана в арык не пустил. Прикинул, не лучше ли перепрыгнуть этот грязный арык. Но сразу же передумал. Причина: берег арыка тоже в липкой грязи. Тарлан может поскользнуться.

Мы поехали вверх, вдоль арыка. Искали отмель. Машина спустилась в ложину. Остановилась у арыка. Вроде поняли, что не проедут и поехали по нашему следу. Мы перескочили через арык, где было поуже. Машины остановилась на том месте, где мы перепрыгнули. Понял, что по этой дороге они едут впервые. Показал им рукояткой плетки

наверх.

-Если еще немного проедете, будет разлив! Там и сможет проехать машина!

Мы поехали своей дорогой. Тут, вслед раздался голос:

Прислали бумагу из суда.

Нота вдеты в стремяна. Пока ехал, думал о многом, мечтал, молил самого Творца, чтобы закончились эти мытарства, эти мучения.

На суде народу было очень много. По одну сторону сидели парни, которые били, по другую - друг мой Рахман. Начальство сидело наверху. Были вопросы, были ответы! Те, что били, не признавали своей вины и валили друг на друга. Здесь я и понадобился. Начальство, что наверху, допросив меня, остались довольны ответом. Когда дали слово защитнику, какой-то начальник спросил у моего друга Рахмана:

- Скажите-ка, почему избивали несовершеннолетнего ребёнка?

- Я его не бил, а только головой толкнул.

- Все равно, считается что били. На лице у него есть рана. Раз он у вас деньги украл, а вдобавок вы его еще и поймали, так надо было его в милицию сдать.

- Сил не хватило.

- Бить сил хватило, а в милицию отвести сил не хватило?

- Откуда же у меня хватит сил аж на троих?

- Надо было позвонить в милицию! Или позвали бы на помощь людей. Вон, полны улицы людей!

- Людей? Каких людей? Где эти люди ...

Начальство объявило перерыв на час. Сами ушли совещаться перед судебным приговором. Я проголодался и зашел в чайхану. А когда, выпив чай, вернулся, люди уже выходили из здания суда. Значит суд закончился. Я стал искать друга моего Рахмана, чтобы узнать о решении суда. Тут, я наткнулся на целую группу женщин, старух. Они, собравшись в круг, заливались слезами. Голосили, хлопая себя по лбу, по коленам. Понял, это были родственники тех парней, которые избивали. Я уставился на них. Почувствовал себя по.

- Эй, шеф! Тормоз!

Голос был мне незнаком. Чего он сказал, не понял. Кто бы ни бая он, все же голос человека, решил - надо подъехать. Подъехал к берегу арыка. Из машины вышло четверо. Двое, с разбегу перепрыгнули через арык. Испугавшись, Тарлан попятился. Смотрю: двое молодых ребят. И те двое подошли. У всех на глазах черные очки. Глаз не видно. Волосы до плеч, уши под вшосами. Одеты довольно хорошо. Один с бородкой. Подумав, наверное человек средних лет как и я сам, посмотрел на него внимательней. Нет, парню лет под тридцать.

- Вы вроде звали меня, братья?

Они посмотрели на меня и не произнесли ни звука. Бородатый вышел вперед.

- А ну, слезай-ка с коня, шеф!

- Говорите так, я не глухой.

- Сказано слезай, значит слазь!

Меня задело, что они называют меня на "ты". Слезая с коня, я сказал:

- Приятель не надо "тыкать", я ведь вам чуть ли не в отцы гожусь.

- Видали мы такого отца ...

Держа в руках поводья, я опешил. Я разозлился. Крепко сжал рукоятку плетки.

- Привяжи коня и иди за нами!

- Что вы мне хотите сказать, приятель, говорите здесь.

- Сказано иди за нами, значит иди!

Они пошли вверх, вдоль арыка. Оставив Тарлана, я пошел за ними. Очки ни один из них не

снял.

- Вы сами-то кто такие? Чьи сыновья!." Представьте же наконец, братья.

Один из них пробурчал:

- Еще успеем познакомиться...

Они .установились на меня будто на дикаря какого. О господи, какое .у них может быть ко мне дело? Уж говорили бы поскорее, а то темнеет.

- Братья, если .у вас ко мне срочный разговор, говорите. А то я поеду, дома будут беспокоиться.

- Поедешь, поедешь, не спеши. Поедешь так, что больше не вернешься.

От злости я повернулся и пошел к коню. Один из них преградил мне дорогу. Еще один подошел второй с другой стороны. Я оказался посередине. Решил было пробиться между двумя,. Тот, что справа, схватил меня за плечо. Одним ударом я сбросил его руку.

- Уберите руку, приятель.

Он сально ударил меня в подбородок. Я покачнулся, и отлетев назад, остался сидеть на земле. Моя сломанная рука заныла. Я накрутил плетку на кисть руки. Поднявшись и наметив шею парня с размаху стегнул по ней. Тот, что сзади, схватил плетку и с силой выдернул. Я снова оказался на земле. Теперь пошел на того, что выдернул плетку. Кто-то сзади пнул меня в поясницу. Я упал ничком. Моя сломанная рука заныла. С трудом удалось сесть. Посмотрел вокруг. Ни души. Город остался за холмами и горными склонами, что справа. Его не видно. Мот кишлак за холмами и горными склонами, что слева. И кишлак тоже не видно. Керагатау наверху. У подножия - "Ромсовхоз". Над головам небо. Все далеко. Недокричишься. Мне стало обидно до слез: ох, одиночество, ты одиночество, пропади ты пропадом!

Я расстроился: ох, сломанная рука, пропади ты пропадом!

Я вытащил из-за пазухи сломанную руку и показал. Жалостливо сказал:

- Братья, когда я .упал с гнедого Джуры-бобо, сломал себе руку, вот...

Они громко расхохотались. Заговорили между собой:

- Этот кем-нибудь ему приходится?

- Никем!

- Никем? Не может быть? Значит он сам по себе решил проявить рыцарство, так?

- О рыцарь! Рыцарь XX века!

- Дон-Кихот!

- Ха-ха-ха, Дон-Кихот! Дон-Кихот XX века!

Только тут я понял, кто они такие. Мне стало досадно тысячи, тысячи раз за то, что сказал им о сломанной руке, за то, что плакался. Я опустил голову. Сломанную руку не спрятал за пазуху. Оперся ею о землю, как здоровой рукой. Сломанная рука заныла. Смотри на землю, я стиснул зубы. Лицо мое горело.

Я поднялся. Они окружили меня. Один ударил в челюсть. Я отлетел на стоявшего сзади. Тот, придерживая меня за плечи, ударил по голове. Зашатавшись я отлетел обратно. Снова получил удар в челюсть. И отлетев, перевернувшись, упал. Голубое небо закружилось. Оно стало черным-пречерным. Снова поднялся. Шатаясь, я подошел к одному из них и повис на шее.

- Братья, что я вам сделал такого...

Обнял его, что есть силы. Он вслепую ударил меня кулаком в живот. У меня дыхание перехватило. Что-то внутри оборвалось. Руки мои ослабли и сползли с его плеч. Ноги больше не держали. Я повалился навзничь.

- Братья, скажите, в чем я виноват, в чем моя вина...

В спину получил сильный удар чем-то острым. Потом в бок. При каждом ударе дух

перехватывало.

- Братья, я ведь тоже человек...

Тут заржал Тарлан, заставив задрожать надвигающиеся сумерки.

Еле приоткрыл глаза. Извивая шею, Тарлан смотрел на нас. Не открывал глаз. Насторожив уши, снова заржал. На этот раз ржание его было обрывистым и жалостливым. Сумерки были печальны от ржания Тарлана, а ржание Тарлана печальнее с.умерек.

Сильный удар чем-то острым пришелся мне по левому колену. Я закричал. В глазах потемнело. Голова моя раскалилась. Кто-то из стоявших надо мной сказал другому:

- Ну, что так и будешь тыкать его ногой, воткни ему разок в бок и - пошли.

- А-а-а, лошадь, лошадь! Беги, лошадь мчится! Я очнулся, открыл глаза.

Тарлан, волоча веревку погнался за ними. Вытянув морду, насторожив уши он страшно хрипел. Оставив одного, гнался за другим. Они сбежали, перепрыгнув через арык и спрятались в машине. Один все же не смог спастись от Тарлана. Взяв что-то с земли, ударил Тарлана по морде. Тарлан покачнулся и остановился. Тот, не мешкая, перепрыгнул через арык. Тарлан тоже перескочил и подошел к машине. Скребя передними копытами землю, Тарлан заржал. Машина умчалась. Тарлан помчался за машиной, но повернул назад. Перескочив через арык, подошел ко мне. Мордой коснулся моих ног. Снова жалобно-жалобно заржал. Обнюхал мое лицо. Я почувствовал дыхание Тарлана. Тарлан дышал прерывисто, будто унес улак. Я обеими руками обнял его морду. Гладил его челюсти, лоб. Руки мои стали мокрыми. Я поднес их к глазам и посмотрел - кровь. Я внимательно всмотрелся в морду Тарлана. Из-за ушей у него текла кровь. Я приблизился лицом к кровавой челюсти Тарлана. Слезы подступили к горлу. Не в силах сдержать себя, я разрыдался.

Стало совсем темно. Так темно, что ничего различить было нельзя. С трудом повернулся на левый бок. Больно! рукой обнял ноги Тарлана. Потянул руку выше. Пошлепал Тарлана по крупу.

Тарлан обнюхал мое плечо. Я поднял голову с его колен. Тарлан медленно начал сгибать передние ноги. Опустился на передние ноги. Я левой рукой ухватился за луку седла. Грудью припал к седлу. Еле-еле вскарабкавшись, лег на седло животом. Глубоко вздохнул. Поджавшись, перекинул здоровую ногу через седло. Вдел в стремя. Ногу пронзила боль. У меня потемнело в глазах, я обнял Тарлана за шею. Придя в себя, выпрямился. Взялся за поводья. Ветер облизывал мою голову. Только тут понял, что шапки на голове не было. Осталась на земле. Хотел было слезть, но представил - какво будет снова влезать в седло. Махнув рукою на шапку, дернул за поводья. Тарлан пошел по большой дороге. В дороге, я потянул за поводья. Развязав поясной платок, отер лицо. Туго обвязал им голову.

Мы ехали по обочине дороги. Наступила глубокая ночь. Кругом кромешная темнота. Холмы стали подобны темным теням. На душе у меня стало черным-черно, как эта ночь, ехал, покачиваясь в седле и горько рыдая.

Тарлан, а Тарлан, что это за дни такие наступили? Во сне происходит или наяву? Если ты не различишь, Тарлан, то я уже не в состоянии чего-нибудь понять, Тарлан, что это были за живые существа? Они были о двух ногах, на них была одежда. По виду вроде похожи на людей. Они говорят, и смеются подобно людям. Не знаю, Тарлан, не знаю, если ты чего-то и понимаешь, то я ничего не понимаю. Вот тебя я Тарлан, понимаю. А те чужие мне.

Э, нет Тарлан, ты брат мой. Все, теперь я их не буду звать братьями. Мой брат - ты. Ты мой младший брат, Тарлан. И впрямь ты на меня похож. Так ведь младший брат должен походить на старшего. Братец мой, Тарлан, что же теперь мы будем делать, а? Что мы теперь скажем дома детворе? А если люди спросят? А Рахману?

Э, нет Тарлан, ты мой племянник. Все, теперь я их не буду

Назвать своими племянниками. Ты мой племянник. Ты весь в меня. Если племянник не на дядю похож, так на кого же он тогда должен быть похож? Тарлан, племянник мой, может скажем, что упали в дороге? А если скажут: "Так глаза же у вас были?" Ответим, что арык был в глине, поскользнулись. Ну как, подходит такой ответ, а, Тарлан, племянник мой? А то станем для людей посмешищем, перед народом окажемся пухомелями...

Э, нет Тарлан, ты мой старший брат. Все, теперь я не буду звать их братьями. Мой старший брат - это ты! Спросят про младшего брата, - он у тебя есть - это я, спросят про старшего брата, он у меня есть - это ты, о чем еще после этого горевать?

Э, Тарлан, ты мой друг. Все, теперь я их не буду звать своими друзьями. Мой друг - это ты...

Э, нет, Тарлан, ты мой самый истинный брат, до самой моей смерти...